ПИОНЕР

9

Из-во „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Письмо пятое.

ДОРОГОЙ МИША!

Это письмо я буду, вероятно, часа три тебе печатать. На пишущей машинке печатаю. Помнишь, я тебе писал в первом письме, что у нас соседка с кошкой жила. Еще ее мой брат чернилами покрасил,—не соседку, конечно, а кошку. Представляю себе, что бы было, если бы он соседку окрасил.

Так видишь ли дело в чем—эта чернильная соседка уехала, а в'ехала другая тетенька с машинкой и с сыном, сын ее пионер—хороший парень

В общем я на машинке и упражняюсь, когда сын и машинка дома, а мамаши их дома нет.

Парня зовут Алешка, он тоже хочет с тобой переписываться.

Вот ты мне писал о годовщине пионерорганизации, а о международной детской неделе забыл. А она не то что на носу, а много ближе.

В прошлом году МДН в нашем районе провели очень занятно. Устраивали демонстрации вечером с факелами и транспарантами. Транспарант это такая штука в роде светящегося плаката. Как его сделать напечатано в №.24 „Пионера" за 1926 г. На транспарантах пишутся лозунги. Факелы делаются просто. На палке жестянка. В жестянке нефть и пакля; зажег и гуляй. Только надо жестянку укрепить на конце палки в развилине, чтобы банка висела свободно.

Но это все пустяки. Слышал ли ты про интернациональную копейку? Каждый пионер в СССР обязан будет вносить одну копейку в месяц в пользу заграничных пионеров. Если в СССР два миллиона пионеров, то каждый месяц они будут вносить два миллиона копеек – 20.000 рублей. Вот это здорово. Двадцать тысяч рублей в месяц. Вот так интернациональная копейка.

А мы к Детской Неделе вот еще что придумали. За границей тоже издаются пионерские журналы, как у нас „ПИОНЕР".

В Германии—„Ди Троммель", во Франции—„Ле жен камарад". В Англии и в Америке тоже издаются пионерские журналы. Мы решили подписаться на них и вот почему: во-первых, интересно получать, если сам не поймешь, то найдешь кого-нибудь, кто переведет, а картинки и сам поймешь; во-вторых, если выписываешь журнал, значит, помогаешь ему, в-третьих, стоят они дешево, в-четвертых... да, что тут говорить, дело и так ясно, как мармелад. Мы выписываем, начиная с международной детской недели, иностранные пионерские журналы и всем другим отрядам советуем. У нас в районе еще несколько отрядов выпишут.

Утренник устроим, конечно, своим чередом. Уголок устроим из фотографий и рисунков. Фотографии и рисунки вырежем из „ПИОНЕРА". Вот был, например, специальный китайский номер „ПИОНЕРА", № 7, там очень много иностранного материала.

Вот приблизительно и все. Если ты используешь мое письмо ½, я буду очень доволен. Значит, наша переписка, кроме всего остального, имеет еще значение для работы. Твои письма мне очень пригодились.

Кажется, машинкина мамаша идет, кончаю письмо.

До свидания.

Нет, не она, поэтому заканчиваю письмо собственным портретом, напечатанным на машинке.

Москва
11 мая 1927 г.

Это—пионер Миша Гвоздиков.

ОТВ. РЕДАКТОР: В. ЛЯДОВА

Главлит № 87390. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово», Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 29.000

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м —3 р. — к.
„ 6 „ —1 „ 60 „
„ 3 „ — „ 85 „
„ 1 „ — „ 30 „

ПИОНЕР

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ

Москва, Нов. площадь, 6/8. Издательство „Молодая Гвардия"

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА П-И ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ПРИ МК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

№ 9 МАЙ 1927 г.

НАМ ПОШЕЛ ШЕСТОЙ ГОД...

Пять лет тому назад впервые появился в Москве пионерский отряд. Теперь уже по всему нашему Союзу имеются красные галстуки. Мы выросли в двухмиллионную армию юных ленинцев.

Под руководством Ленинского комсомола вырастают сознательные, крепкие коммунары. Не мало есть среди нас ребят, которые могут рассказать, как они покинули улицу.

Толя Иозеф пишет: *„До поступления в отряд меня знали в школе и на улице, как хулигана, как беспризорного, и я таким был. Торговал газетами, курил и хулиганил. Если в школе возникала драка, то ее зачинщиком был я. На улице я тоже был не последним"*.

Но вот пионеры Толю втянули в свои ряды. После упорной работы пионерский коллектив добивается того, что Толю радует совместная общественно-полезная работа. Толя пишет нам в редакцию:

„Я благодарю отряд за все, что он мне дал, а дал он мне очень много. Я стал развитым и активным, научился исправлять свои недостатки, добиваться правды. А самое главное, что я никогда не забуду, что отряд меня сделал новым человеком, взял меня с улицы и сделал из меня хорошего общественного работника".

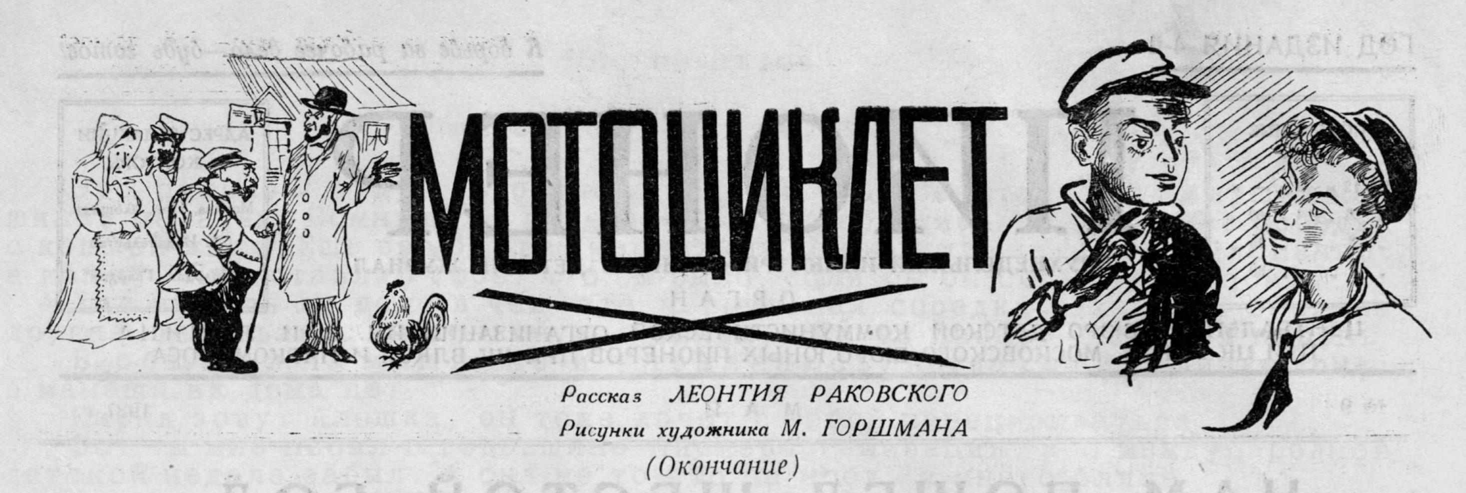
Пионеры ведут работу и среди неорганизованной детворы. Мы помогаем Советской власти бороться с беспризорностью, мы никогда не забудем завет Ленина о смычке с крестьянскими ребятами и с ребятами наших отсталых нацреспублик.

Посмотрите, как мы готовимся к лету. Каждый отряд, звено ставит себе задачей помочь деревенским ребятам в работе отряда, кто берет на себя помощь избе-читальне, а кто уже теперь изучает законы охраны труда малолетних, батрачат, кустарей и нянек.

Петр Лушин, (1-й отряд Сокольн. района г. Москвы) слесарь ф-ки „Маслоцентр" и кандидат партии

Звено „Смычка" отряда им. Ворошилова из Иваново-Вознесенска просит редакцию „Пионера" дать им точную справку: „сколько беспризорных распределено по крестьянским семьям в нашей губернии". Они решили лето посвятить этим патронированным ребятам. Не говорит-ли это о том, что Ленинский комсомол воспитал коллективистов.

МОТОЦИКЛЕТ

Рассказ ЛЕОНТИЯ РАКОВСКОГО

Рисунки художника М. ГОРШМАНА

(Окончание)

4

Крестьянин, шедший около воза, издали заслышал стук мотоциклета и стал повертывать лошадь назад. Телега с трудом поворачивалась и загородила собой всю дорогу. Медлить было нечего. Нужно было что-то сделать, чтобы хоть уменьшить ход.

Яша снова рванул к себе злополучный рычаг, и мотоциклет действительно пошел тише.

Воз как раз успел повернуться, и лошадь, услышав за плечами страшный треск, понеслась по широкому тракту вскачь. Крестьянин несколько шагов тянулся на вожжах, упираясь в песок ногами, но вожжи не выдержали. Он упал, а лошадь мчалась впереди мотоциклета, с каждым прыжком выбрасывая из телеги содержимое.

Абраша понемногу уже начал привыкать к езде. Сидеть было не совсем удобно: временами сильно трясло, но все-таки опасного как будто ничего не было. Яша, оказывается, был прав: он вез отлично. И Абраша рискнул еще раз выглянуть из-за Яшиных плеч.

То, что увидел Абраша на этот раз, было не похоже на прежнее. Во-первых, они почему-то мчались уже по тракту и, во-вторых, откуда-то летели ведра, корыта, лохани, кадки. Точно кто-то швырял ими в мотоциклет и все время промахивался. Абраша больше не закрывал глаз: ему было интересно смотреть на этот поток летящей посуды.

А Яша сидел ни жив, ни мертв. От ужаса он не мог ни о чем думать. Он даже не заметил, как в стороне осталось имение. В его голове стояла только одна нелепая мысль: когда же свалится с воза последнее ведро?

Вся посуда уже вылетела из воза, но одно ведро как-то зацепилось за шкворень. Оно билось на дне телеги и еще сильнее пугало и без того испуганную лошадь. Наконец, лошадь обессилела окончательно. Чувствуя, что ей не убежать от погони, она догадалась-таки шарахнуться в сторону с дороги.

Ведро исчезло из Яшиных глаз.

Вместо него вдруг вынырнул мост, два стоящие друг против друга столба и удивленный красноармеец, который совершенно не знал, что ему делать с мотоциклетом.

Еще секунда-другая и мотоциклет, загрохотав по мосту, скрылся за поворотом.

5

Сержант польского пограничного пункта, заменявший уехавшего в полк поручика, сидел в канцелярии. Он подбирал на мандолине мотив краковяка, когда с границы послышались выстрелы. Сержант с неудовольствием положил мандолину, снял со стены карабин и вышел на крыльцо.

В это время раздался отчаянный лай собак и во двор влетел мотоциклет с совершенно неожиданными пассажирами: на нем сидело два мальчика. Мотоциклет не остановился ни на секунду, а, точно расшалившийся жеребенок, стал делать круги по двору фольварка, в котором помещался пограничный пункт.

Выскочившие из домов легионеры и жители фольварка с удивлением смотрели на эту картину. Сержант уже хотел было выстрелить вверх, чтобы остановить сумасшедшего мотоциклиста, но не успел: мотоциклет сам вдруг сбился с голоса и стал.

Все бросились к приехавшим.

Яша стоял у мотоциклета красный и перепуганный, а Абраша был белее своей рубахи. От страха он все продолжал держаться за Яшин пояс.

— Кто вы и откуда?—насупив брови, подскочил к ним сержант.

Яша не мог выговорить ни слова, а Абраша начал уже всхлипывать.

— Будете вы отвечать или нет?—топнул ногою сержант и дернул за ухо ближе стоявшего Яшу.

Тут, наконец, не выдержали и Яшины нервы. Он заплакал навзрыд, растирая слезы по запыленному лицу.

— Пане сержанте, я их знаю. Позвольте мне сказать,—вмешался владелец фольварка.

— Пожалуйста,—разрешил сержант.

Владелец фольварка нагнулся к Яше и, отнимая его руки от лица, сказал:

— Ну, конечно, они оба из местечка. Этот вон сын слесаря Янкеля, а тот музыканта Арона, того самого Арона, что играл на моей свадьбе.

— Хорошо, спросите же, как и зачем они попали сюда,—обратился к владельцу фольварка сержант.

Яша немного пришел в себя. Он понял вопрос поляка и стал рассказывать, как они очутились за границей.

— Пане сержанте, он говорит, что эта машина военная,—стал переводить Яшину речь владелец фольварка.

— Мы и сами видим, что она не цивильная,—криво усмехнулся сержант.—Что же дальше?

— А дальше он говорит, что они хотели покататься и перескочили за границу.

— Э, глупости! Он врет все, щенок этот. Кто дал бы детям машину для забавы? Тут что-то не так! Смените часового Цыбульского и пошлите его ко мне, а этих—запереть в сарай,—обернулся он к капралу и важно зашагал в дом.

6

В это время, как мотоциклет перескочил через мост, часовой Цыбульский спокойно спал в тени, под березами. Разбуженный стуком мотора, он вскочил, ничего не соображая. Но когда на русской стороне раздался выстрел, он тоже выстрелил вверх.

Только у сменившего его легионера он узнал настоящую причину тревоги. И теперь, стоя перед сержантом, Цыбульский врал, как мог, чтобы оправдаться.

— Пане сержанте, их было трое, ей-богу трое: комиссар и эти мальчишки. Я видел, как они мчались еще по той стороне, ей-богу видел. Я подпустил их ближе и, как раз на мосту, выстрелил. Комиссар упал, мальчишки промчались. Но я видел, что мальчишка далеко не уедет: я попал в мотор...

— Довольно врать, пане Цыбульский, довольно. Что пан зеленых жаб наелся, что ли? Мотоциклет стал не потому, что пан Цыбульский выстрелил, а потому, что не хватило бензина. А, во-вторых, пусть пан Цыбульский посмотрит на себя в зеркало: по лицу заметно, что пан Цыбульский взаправду видел трех человек, но только во сне.

— Завтра возвратится из полка поручик,—пусть он вас и разбирает. А сегодня—караулить этих щенков, пане Цыбульский! Марш!—сердито крикнул сержант и снова взялся за мандолину.

Цыбульский щелкнул каблуками и вышел из канцелярии. Он прошел к сараю, где сидели Абраша и Яша, посмотрел на них сквозь дверь, выругался и присоединился к толпе легионеров, рассматривающих мотоциклет.

Абраша и Яша, совершенно расстроенные случившимся, лежали на каких-то досках в сарае. Но даже и в несчастьи они остались верны себе: каждый из них был встревожен по-своему.

Абраша боялся, что их повезут в Варшаву, что будут гонять по тюрьмам, так что они вряд ли попадут домой даже к следующему 1 мая.

А Яша беспокоился о другом: он никак не мог примириться с тем, что именно он угнал к полякам советский мотоциклет.

И оба от неприятности ничего не говорили друг с другом. Абраша потихоньку всхлипывал, вспоминая местечко и дом. Он закрывал глаза и пытался представить себе, что он дома, что ничего не случилось. Но когда открывал их снова и находил все тот же сарай,—ему становилось еще больнее. В конце концов, утомленный пережитым Абраша уснул.

А Яша не мог закрыть глаз. Он уставился в одну точку и все думал: как же в самом деле останавли-

Абраша оцепенел под скамейкой

вают мотоциклет? Он перебрал в памяти десятки случаев, когда мотоциклист останавливал при нем мотор, но все-таки не мог ничего вспомнить.

Так проходили часы.

Уже солнце склонялось к закату. Абраша продолжал спать, а Яша все смотрел через щель во двор и слушал, что там творится. Он услышал, когда на границе снова раздался выстрел, и видел, как легионеры, второпях надевая подсумки, бежали туда, точно пожарные к сараю за машинами.

Из разговоров Яша смог разобрать, что начальник советского поста требует для переговоров о мотоциклете начальника польского поста. Но сержант побоялся говорить с русскими до приезда поручика. Он даже отвел своего часового от границы и поставил его вблизи самого фольварка.

Дальше Яша видел, как сержант учился ездить на мотоциклете. Рыжеусый капрал ни на минуту не оставлял в покое мотоциклета. Он где-то раздобыл бензин и теперь показывал свое искусство: катался на мотоциклете по двору и учил сержанта управлять мотором.

Яша смотрел, не спуская глаз, и старался в то же время слушать: он многое понимал из того, что говорили поляки.

Сержант учился ездить на мотоциклете до самого заката солнца. Но когда весь двор фольварка наполнился скотом и приехавшими с поля работниками, капрал втащил машину в сарай.

— Цыбульский,—сказал он солдату.—Переведи этих хлопцев в канцелярию. Там они будут спать, а здесь поставим машину: завтра утром я поеду на ней за поручиком на станцию. Да, надо предупредить часового, чтобы он не вздумал в меня стрелять, когда я поеду!

Абрашу и Яшу перевели в пустую канцелярию и впервые за целый день дали им солдатского кофе с хлебом. Абраша был попрежнему хмурен, а Яша весь сиял.

— Что ты такой веселый?—спросил у него Абраша.

— Тс, пока ты спал, я узнал, как останавливать мотоциклет,—ответил Яша.

— Думаешь, это тебе пригодится?—насмешливо сказал Абраша,—как бы не так. Посмотри, сарай закрыли на замок, а при нас опять будет все время торчать этот толстый солдат!

Яша ничего не успел возразить на это, потому что в канцелярию вошел сержант.

— Кто из вас сын музыканта?—спросил он.

— Я,—испуганно ответил Абраша.

— Как тебе имя?

— Абраша.

— Абраша а ты умеешь играть на мандолине?—спросил, подсаживаясь к нему, сержант.

— Умею, —застенчиво сказал Абраша.

— Что ты боишься, ты говори смелее, — подбодрил его Яша.

— Ты не бойся, Абраша, тебе ничего не будет. А если поиграешь нам, когда мы немножко потанцуем, я вас хорошо угощу, — посулил сержант.

— Я могу играть, — сказал уже смелее Абраша.—А что надо?

— Краковяк, польку и вальс.

— Он даже и мазурку умеет, — вмешался Яша.

Вот и добже. Эй, Цыбульский, — крикнул в дверь сержант.—Почему у них кофе без сахара? Принеси сахар и масло, что у меня на окне стоит. Живо!

Через полчаса, когда Абраша и Яша, наевшись как следует, шли за сержантом в дом владельца фольварка, Абраша тихо сказал Яше:

— Ты ошибаешься, когда говоришь, что слесарное мастерство важнее музыки. Видишь: музыка—это все!

— Посмотрим,—загадочно ответил Яша.

7

Уже на востоке начинало светлеть, когда Абраша и Яша возвращались в канцелярию с Цыбульским.

Абраша с большим успехом играл целую ночь легионерам и их гостям танцы. Они, пожалуй, тан-

ВЕСНА В МОСКВЕ

Б. ВИРКИНС

Весна в Москве не хуже,
Чем в прочих городах:
Блестят на солнце лужи,
Стекло и провода

По мокрым рельсам катятся
Умытые трамваи.
Давно такой сумятицы
Не знала мостовая!

Возить бы только грузы вам,
А вы хотите в конницу!
Подрагивая кузовом
За мной автобус гонится.

Залившись звонкой трелью
Бегут за ним такси.
Весеннее веселье
Над городом висит

А по земному глобусу
(Мне рельсы говорят)
Трамваи и автобусы
Устроили парад.

цовали бы до утра, если бы Яша предусмотрительно не посоветовал Абраше порвать две струны.

В самый разгар вечеринки, когда даже толстый Цыбульский залихватски откалывал польку, Яша подкрался к сараю. Он осмотрел замок и вернулся очень довольный: замок был самый простой.

В доме Яша долго ходил из комнаты в комнату, пока не нашел того, чего искал — небольшого гвоздя.

Весь остальной вечер он просидел, как на угольях: не мог дождаться конца вечеринки. И только, когда все стали расходиться, Яша почувствовал себя лучше.

Через полчаса после вечеринки весь фольварк спал.

Абраше и Яше постлали на полу в канцелярии драный кожух, а Цыбульский, который должен был их сторожить, улегся у порога. Он поставил поперек двери широкую скамейку, чтобы никто не смог выйти из канцелярии, не разбудив его.

Яша рассказал Абраше весь свой план побега, и теперь они ждали, когда заснет Цыбульский.

Абрашу от волнения трясло, как после продолжительного купанья, а Яша сдерживался, чтобы только не стучать зубами.

— Но вот Цыбульский захрапел. Мальчики поднялись. Решено было открыть окно и выпрыгнуть во двор. Но когда попробовали открыть окно, рама не поддалась: ее скосило от дождя и она плотно вошла в подоконник.

Яшу бросило в пот. Он чуть не плакал от неудачи.

— Слушай, полезем под скамейку, — вдруг сообразил Абраша.—Цыбульский не услышит.

— А там как, в коридоре?

— А там в окно.

Яша долго не рассуждал. Он подошел на цыпочках к скамейке и полез под нее. Но и тут оказалось препятствие: одна рука Цыбульского свесилась вниз и мешала пролезть.

Яша секунду раздумывал, а потом решительно отвел руку солдата в сторону.

Цыбульский зачмокал во сне губами и повернулся спиной к двери.

Яша пролез первым и налег на дверь. И вот тут-то он чуть не обмер от страха: дверь завизжала так, будто колодезный журавль на Коровьем рынке.

Абраша оцепенел под скамейкой, а Яша застыл у порога.

Но Цыбульский только пустил храп еще гуще прежнего, и Яша шагнул в коридор.

Окно из коридора во двор открылось без шума. Яша соскочил первым и вскрикнул от боли и ужаса: он попал пятой на донышко разбитой бутылки. Но делать было нечего. Пересиливая боль, он поддержал Абрашу, пока тот закрывал окно и спускался вниз. Потом, ковыляя на одной ноге, пустился к сараю.

Уже было совершенно светло. Только с низины от реки к фольварку, как кисель, тянулся молочный туман, скрадывая в двух шагах предметы.

Яша вынул гвоздь и ловко открыл замок. Еще шаг, и его рука снова лежит на этом проклятом руле.

— Абраша, не зевай, вскакивай живее!—сказал, заикаясь от волнения, Яша и с силой потащил мотоциклет из сарая.

Шаг-два-три—мотор не работает. Приналегли еще. Вот уже и ворота, а там спуск вниз, к реке, и где-то часовой. И вдруг мотор затрещал. Абраша вскочил и прямо влип в плечи Яши.

— Пане капрале, за поручиком?—неожиданно раздалось откуда-то сбоку.

Яша ничего не ответил, а только вжал голову в плечи.

— Ах, пся крев! То большевики,—закричал часовой.— Стой, стой!—и, прорезая молочную слизь тумана, ударило раз за разом.

Но мотоциклет уже обогнул поворот и протарахтел по мосту на советскую сторону.

Много есть в местечке разных мальчишек—целый пионерский отряд, но самые известные теперь в нем это—сын слесаря Яша и музыканта—Абраша.

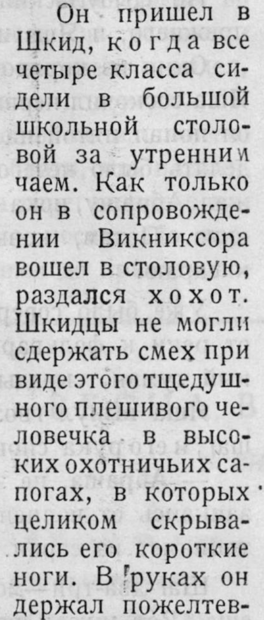
И оба они большие друзья, но еще большие спорщики. Где бы они ни сошлись, все спорят. И особенно спорят о том, кто из них больше отличился во время поездки на мотоциклете.

КЛЯУЗНАЯ СЛАМА

Рассказ Г. БЕЛЫХ и Л. ПАНТЕЛЕЕВА.
Рисунки худ. К. КУЗНЕЦОВА

1

Он пришел в Шкид, когда все четыре класса сидели в большой школьной столовой за утренним чаем. Как только он в сопровождении Викниксора вошел в столовую, раздался хохот. Шкидцы не могли сдержать смех при виде этого тщедушного плешивого человечка в высоких охотничьих сапогах, в которых целиком скрывались его короткие ноги. В руках он держал пожелтевший от времени портфель. Пока Викниксор жестами и словами успокаивал развеселившихся своих питомцев, он теребил жидкую козлиную бороденку и, кротко улыбаясь, бегал глазами по лицам ребят. Когда те успокоились, Викниксор, по привычке неимоверно растягивая слова, сказал:

— Ребята, вот ваш новый воспитатель и преподаватель анатомии—Митрофан Семёнович Лесников.

Он указал рукой на человечка в охотничьих сапогах. Тот кашлянул в руку, подергал бороденку и глухим голосом повторил:

— Да, Митрофан Семёнович Лесников.

Викниксор указал новому воспитателю его место: за столом четвертого класса. Халдей уселся. Улигане с любопытством рассматривали его. Когда Викниксор вышел, вся столовая загудела, как улей; малыши вставали, чтобы посмотреть на бородатого лилипута, дежурный воспитатель Сашкец их успокаивал:

— Тише,—кричал он, стуча кулаком по столу.— Тише, ребята...

Кто-то из улиган громко сказал:

— Лесничек!

— Кляузная бородка!—крикнул третьеклассник Бобер.

Ребята снова захохотали. «Лесничек» сидел, улыбался и теребил «кляузную бородку».

— Вы что, анатомию читать будете?—обратился к нему Японец.

Лесничек вздрогнул.

— Да, анатомию читать буду.

— А почему у вас бородка кляузная?—спросил Янкель.

Халдей застенчиво улыбнулся.

— Такая уж выросла,—ответил он.

Зазвенел звонок, об'являвший о начале уроков. Шкидцы с шумом расходились по классам. Первым уроком в четвертом классе шла древняя история...

Нудно тянулся урок. Июньское солнце и уличный шум, врываясь в окна класса, манили бесчисленными летними удовольствиями. Лица и спины улиган потели, глаза тупо уставились на расхаживавшего по классу Викниксора. Уши, как дырявая сеть, подхватывали и тотчас же выпускали обратно обрывки фраз:

— И вот демагоги... Заняв Мемфис, афиняне... И вот Перикл нашел выход...

А головы сверлила мысль:

— Выкупаться бы...

О Лесничке уже забыли. Только Голый Барин, обрывая крылья украдкой пойманной им мухе, сказал, обращаясь к соседу своему—Леньке Вандалу:

— Смешной какой новый халдей!.. Верно?

Вандал—скуластый, густобровый мальчишка—хмуро ответил;

— Сам ты смешной... Человек, видно, хороший, этот новый, а изведут, уж чувствую.

— Почему не пошутить с чумовым,—усмехнулся Барин, принимаясь за мушиные ноги.

2

Шутки начались на втором уроке. Когда Лесничек вошел в класс, снова раздались смешки. Воспитатель прошел к учительскому столу, положил на него свой затрепанный, как любимая книга, портфель и, откашлявшись, негромко сказал:

— Ну-с, здравствуйте!

— Наше вам с кисточкой,—крикнул Янкель. Остальные либо ничего не ответили, либо промычали нечленораздельное:

— Здрасти!

— Начнем урок,—сказал халдей, неловко усаживаясь на стул.—Должен познакомить вас с моей системой преподавания... Я никого не принуждаю заниматься. Хочешь—учись, не хочешь—твое дело...

— Замечательная система!—воскликнул Японец.

Лесничек взглянул на Японца, первый раз сделав серьезное лицо.

— Кроме того, я никого не наказываю, во всяком случае, стараюсь избегать этого... Вы—не маленькие приготовишки, которые раскаиваются лишь поставленные в угол, вы сознательнее...

Он бил на сознательность, умудренный опытом, надеясь войти в доверие класса. Но не таков был шкидец. Понятие о сознательности у него было

Ребята! Рассказ „Кляузная слама“—отрывок из повести „Республика ШКИД“, не вошедший в книгу.

смутным, представлялось происходящим от глагола «сознаться».

Халдей предлагает сознаваться. Нашел паинек! Поищи в нормальном детдоме, а не в дефективной республике.

Сливались в гул разговоры, смех; на передней парте Жвачный Адмирал выстукивал на зубариках «яблочко»; на камчатке два потомственных лодыря дулись в очко. А Лесничек рассказывал о своей системе. Рассказав, снова осветил лицо свое кроткой улыбкой и сказал:

— Ну, а что вы знаете по анатомии?

Класс молчал.

— Ну, хотя бы вы!

Лесничек бросил взгляд на Японца. Тот встал и непринужденно раскачивал крышку парты. Крышка скрипела...

— Что такое анатомия?—Знаете?—спросил воспитатель.

Класс по привычке насторожился, ожидая ответа товарища.

— Анатомия, — ответил Японец, — это — наука о человеческом теле, о разных его частях. Части вашего тела—сапоги, борода и лысина. Это и есть—анатомия.

Класс дружно гоготал.

Халдей улыбнулся:

— Интересная теория. Сядьте.

Все были крайне удивлены. Он и в самом деле никого не наказывал.

Он вызвал Янкеля.

— Знаете ли вы, из чего состоит наше тело?

— Знаю,—ответил Янкель.— Наше тело состоит из самых разнообразных гадостей... Например, ваше тело состоит из мешка, наполненного дохлыми мухами.

Это было уже слишком. Такая дерзость у другого халдея не прошла бы даром. Однако, Лесничек, не меняя выражения лица, сказал:

— Сядьте.

И вызвал следующего.

Один Ленька Вандал, когда до него дошла очередь, отговорился незнанием.

3

Возвращаясь после уроков из библиотеки, где он обменял Кнута Гамсуна на Германа Банга, Ленька натолкнулся на зрелище, заставившее его остановиться:

по залу расхаживал новый воспитатель Лесничек, а по пятам за ним ходила орава малышей. Они толкали воспитателя, дергали его за края пиджака и визгливо кричали:

Кляузная бородка,
Какая у вас походка!
Лесничок, старичок,
Одолжите пятачок!

Лесничек на обращал на них внимания; на его лице сияла улыбка.

Ленька был возмущен.

— Эй вы, бужане!—закричал он,—цыц по местам!

— Ну, что я вам сказал?.. Живо!—Ленька взял за плечи и толкнул к дверям двух-трех парнишек. Остальные, поскуливая, разошлись.

Лесничек все еще стоял и смотрел на Леньку. Тот, скупо обнажив неровные зубы, улыбнулся и сказал:

— Вы со своей системой пропадете... Ей-богу...

Воспитатель не успел ответить,—Ленька, мягко ступая тряпочными туфлями, зашагал к дверям. Он прошел в класс. Ребята сидели у открытого окна. Летний вечер отсветом зари ложился на их лица. Они о чем-то беседовали. Ленька прислушался...

— Побольше бы таких халдеев,—говорил Японец,—это не Косталмед тебе какой-нибудь.

— Да,—сказал Воробей,—не чета Костецу... Давеча я иду из уборной, а в зубах папироска. Вдруг навстречу кляузная бородка... И ничего... Поглядел, улыбнулся...

— Надо ему завтра бучку устроить,—сказал кто-то.

Ленька громко кашлянул.

— Ребята,—сказал он.

Все повернулись в его сторону. Его скулы не то от зари, не то от волнения розовели.

— Ребята,—повторил он.—Чем вам не понравился Митрофан Семенович?.. Чего вы лезете к нему? А?

— Интересно!—воскликнул Японец.

— Заступник нашелся,—добавил Пьер.

Ленька презрительно усмехнулся.

— Человеческого обращения вы не понимаете, сволочи,—сказал он.

— Подумайте,—с ужимками пропел Янкель.—А тебе, собственно, какое дело?

„Республика ШКИД“—это школа имени Достоевского для дефективных ребят.

Слама — по-шкидски — дружба, халдеи — учителя, Викниксор — Виктор Николаевич Сорокин—зав. школой, Косталмед—учитель.

В этом номере печатаются отзывы читателей на рассказ „Летопись“ из № 4 „Пионера“. Рассказ „Летопись“—тоже из „Республики ШКИД“. На стр. 17—отзыв о всей книге.

Ленька поймал Лесничка на лестнице

— А такое...—Ленька сделал шаг вперед.— Тогда я вам вот что скажу... Я не лягавый, но... Я не позволю кому-либо измываться над Митрофан Семенычем... Кто полезет к нему,—будет иметь дело со мной. Вот!..

Он хлопнул томиком Банга по подоконнику и прошел к своей парте. Ребята молчали. За окном звенели трамваи, шепеляво шипели шины авто.

— Очень оригинальная слама,—сказал Японец. Все засмеялись.

— Кляузная слама,—добавил Янкель.

— Синьор Вандал, а где же ваш сламщик?—крикнул Воробей.

Ленька ничего не ответил. Его согнутая фигура в темном углу класса казалась застывшей.

Товарищи долго потешались над ним.

4

Они стали сламщиками...

На другой день в одну из перемен Ленька поймал Лесничка на лестнице. Халдей спускался в учительскую. На его сутулой спине красовалась нарисованная мелом рожа.

Ленька догнал его.

— Послушайте,—сказал он.

Лесничек остановился и посмотрел на воспитанника. На его лице промелькнула мина раздражения, которую он тотчас же сменил своей детской улыбкой.

— В чем дело?

Ленька не был разговорчивым.

— У вас спина запачкана,—сказал он и принялся стирать мел.

— Ах, это во втором классе... Ничего... Спасибо... Экие шалуны...—забормотал халдей.

— Так нельзя,—наставительно произнес Вандал.—С вашей всепрощающей христианской системой чахотку заработаешь.

— А что же мне делать?

— Что все делают... В меру наказывать, не спускать каждую выходку... А я этих бужан ужо... взгрею,—добавил Ленька.

Халдей взял его руку, крепко пожал.

— Вы хороший мальчик,—сказал он.—Как вас звать?

— Вандал,—ответил Ленька.—Я уже сообщил ребятам, что мы с вами друзья, и думаю, что теперь в нашем классе с вами шутить побоятся...

Он не ошибся. На первом же уроке анатомии в четвертом классе ребята сидели более или менее спокойно. Вандал был сильный парень, его боялись и уважали. Но малышей, при всем их трепете перед улиганами, трудно было утихомирить. Они не прекращали своих шуток над Лесничком. Тот, внемля советам сламщика, пытался их наказывать, но ничего не вышло. Он сам зачеркнул свои записи в Летописи.

— Это идет вразрез с моей системой,—сказал он Леньке.

Вандалу приходилось самому наказывать малышей. Раздавал направо и налево щелчки, награждал густыми «колобками», но чаще всего просто грозил.

Лесничек полюбил своего младшего товарища. Однажды на прогулке в Екатерингофе он рассказал Леньке о себе.

— Я ведь не педагог по профессии,—улыбаясь, сказал он.—Я—ботаник. В мирное время я служил в Петербурге в Ботаническом музее, заведывал тропическим отделом. Всю жизнь я провел с магнолиями и пальмами. Я ухаживал за ними, любил их... В девятнадцатом году все они замерзли...

Он замолчал.

— Ну, а дальше?—спросил Ленька.

— В том же году я потерял жену и дочь... Обе умерли от тифа... Я тоже болел, но выздоровел. Решил сделаться воспитателем... Прочел немало книг по педагогике, и вот... Оставьте покурить.

Ленька протянул воспитателю дымящийся окурок. Сплюнул и сказал:

— Да, шкидцы не магнолии.

5

Как-то раз в воскресенье Шкида отправилась на Канонерский остров. После обеда забрали с собой мешки с провиантом, построились в пары и двинулись в путь.

В торговом порте взяли у коменданта пропуск и переправились на лодках через канал. Потом шли по узкой дамбе в самый конец острова на свое излюбленное место.

Пары рассыпались по кустам; искали землянику, собирали громадные букеты полевых роз, которые тотчас же выбрасывали.

Ленька сидел со своим сламщиком на ступеньках разрушенной беседки. Разговаривали, курили. Потом товарищи позвали Леньку играть в лапту...

Незаметно выплыла над заливом луна.

На песчаном берегу зажгли костер.

Ребята кругом сидели у костра, продрогшие от позднего и лишнего купанья.

По очереди ходили собирать хворост. Когда пришла Ленькина очередь, он встал и, поднявшись на откос берега, отправился на другой край острова, на обросший густым кустарником берег Морского канала.

Собрав сухие ветки, набрав их полную охапку и намереваясь уже итти обратно, он услышал слабый вопль, за которым моментально последовал всплеск воды в канале. Тотчас же мимо Леньки промелькнули две темные фигуры. Ленька бросил собранный хворост и кинулся к каналу. С высоты обрывистого берега он увидел картину, заставившую его вздрогнуть. На гладкой поверхности, освещенной зеленоватой луной воды, барахтался человек. Течением его отнесло саженей на пять от берега. По всей вероятности, он не умел плавать, так как часто с головой погружался в воду. В канале было очень глубоко, в нем боялись купаться даже самые лучшие пловцы. Но раздумывать было нечего.

— Помогите!—что было сил закричал Ленька и кинулся головой вниз.

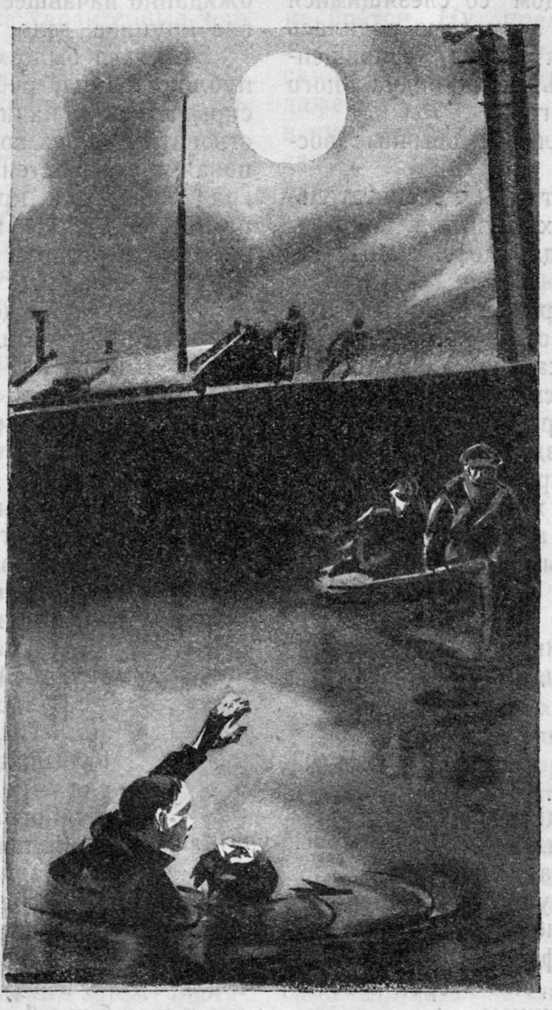
Вода поглотила его. С большими усилиями выплыл он на поверхность и осмотрелся. Утопавшего отнесло еще дальше от берега. Ленька поплыл к нему.

Разбрасываемые им брызги от лунного сияния казались искрами, слепили глаза; вода затягивала, кружила. Ленька плыл наугад, лишь изредка мелькало то здесь, то там бесформенное тело утопавшего человека. Тогда Ленька менял направление и, напрягая последние силы, плыл...

Вот он услышал барахтание, вот схватывает под мышки извивающегося, тяжелого, словно мешок с гирями, человека. Вот плывет к берегу.

Далеко, далеко по берегу плавают люди, что-то кричат, откуда-то со стороны выплывает лодка...

Когда до берега оставалось не больше двух саженей, Ленька потерял сознание. Очнувшись, он увидел, что лежит на полу в старой беседке. Склонившись над ним, стоит Викниксор, вокруг столпились ребята. Ленька хочет о многом их расспросить.

Ленька плывет к берегу

— Обоих вытащили?—шепчет он сухими губами.

— Да,—отвечает Викниксор.—Митрофан Семенович жив.

Ленька чувствует, как кровь ударила ему в лицо. Так вот кого он спас.

— Лесничек отогревается у костра,—говорит Японец.—Он ходил по берегу, любовался луной, поскользнулся и упал в воду... Вот чудак-то...

— Еонин, не забывайся,—строго говорит Викниксор.

Возвращались домой поздно. Шли медленно, усталые и голодные. Сламщики шли позади всех. Лесничек сжимал руку Вандала.

Луна скрылась за тучами, все окружающее потеряло очертания, кусты и деревья стали черными и мрачными. С запада дул колкий ветер.

— А ведь вас столкнули с берега,—сказал Ленька.—Я видел, как кто-то пробежал в глубь острова... Я допытаюсь, кто это сделал... Негодяи!

А ну их,—мягко проговорил Лесничек.—Они пошутили...

6

После этого случая кляузная слама превратилась в самую настоящую, крепкую, как гранит, дружбу. Сламщики не могли жить один без другого. Ленька ждал дня, когда Лесничек дежурил по школе. Тогда вечерами они просиживали до звонка в Белом зале, тихо беседуя о чем-либо.

После случая на Канонерском острове ребята стали уважать дружбу этих двух и даже полюбили Лесничка. Но сам Лесничек тяготился своей воспитательской деятельностью. Он чувствовал, что рожден не для этого. Часто вздыхал, вспоминая о тропических своих пальмах, замерзших в девятнадцатом году.

И вот однажды сказал Лесничек Леньке:

— Письмо я получил из Киева от товарища университетского... Зовет. Работа там в коммунальных оранжереях есть. Что ты скажешь мне на это, друг Леня?

Целую минуту не мог ответить Ленька. Губу до крови закусил. Собрался с духом, ответил:

Поезжайте, конечно...—сказал он.—Вы должны ехать.

В этот вечер не было на свете человека несчастнее Леньки Вандала. Это был последний день кляузной сламы.

РЕСПУБЛИКА ШКИД

Очерк РОЗЕНТАЛЯ
Рис. художника Н. ТЫРСЫ
из книги „Республика Шкид"

Г. Белых и Л. Пантелеев— «**Республика Шкид**», рисунки Н. Тырсы. ГИЗ. М. 1927 г. Стр. 320. Ц. 2 р.

В Ленинграде на Старо-Петергофском проспекте стоит посеревший дом со слезящимися окнами. В этом доме родилась республика Шкид, сокращенное название «Школы социально-индивидуального воспитания имени Достоевского».

Те, кто учился в этой школе,—необычные воспитанники трудовых школ.

Воспитанники школы — питомцы воспитательных домов, распределительных пунктов, тюрьмы и отделений милиции. Школа—для дефективных детей.

Это те беспризорники, которые шумной ватагой бродят по улицам больших городов, воруют у прохожих и на рынках, те, кто нюхает кокаин, кто приплясывая в холодную стужу, сквозь дробь зубов, поет жалкие песенки, чтобы тронуть прохожих.

Сколько слезливых, неправдопододных рассказов и повестей написано о беспризорных, как просто, на страницах книг, перерождались эти подростки, как легко с улицы буйный и испорченный подросток попадал в пионерский отряд и становился «пай-мальчиком».

Жизнь настоящая и подлинная, конечно, не похожа на эту выдуманную жизнь. Не просто, не сразу, и не все дети улицы смогут принять участие в строительстве новой жизни.

Новый учитель

Книга «Республика Шкид»—не выдумка, не сочинительство, не праздный полет фантазии. В этой книге отразился тяжелый и мучительный путь воспитания нового человека в тех, кто злыми условиями прошлого общества эксплоатации был выброшен на улицу.

И авторы книги—не профессиональные писатели. Они—воспитанники Шкид, они—герои повести, они живые, настоящие и подлинные.

И в этом первое достоинство повести—она написана сочно, ярко и красочно, она без утайки раскрывает и грехи и преступления шкидовцев и беспомощность учителей, воспитателей — «халдеев», как называли шкидовцы своих руководителей.

Книга дает картины отдельных жизней беспризорников.

Вот Черных: четырнадцатилетним мальчиком пришел он в Шкид. Ничто не удивляло и не трогало его. В прошлом—тяжелое детство, жизнь на улице, кражи, приют. В Шкиде он начинает... с кражи табаку. И первая ласка заведующего школой Викниксора (Вик. Ник. Соркина) надламывает черствое сердце. Викниксор простил ребят, укравших табак. Неожиданная ласка сломила лед недоверия между «халдеями» и воспитанниками.

Викниксор и шкидцы

Так просто и неожиданно кончилось просто и неожиданно начавшееся дело о табаке японском—первое крупное дело в истории республики Шкид...

Этих дел было много в республике Шкид, ребята иногда скрывались и начинали пьянствовать и вновь воровать... но новая жизнь за стенами, Ленинград рабочих и крестьян «выпрямлял» их. Не всегда и не все воспитатели смогли подойти к больным, израненным и исковерканным детям. И сам Викниксор—«президент республики Шкид» не всегда умел подойти к подросткам, не тому учили в школе (Карамзин, эпоха Ивана Грозного, немецкий язык). Да и время было бурное — 1919-22 годы.

Паук

И это прекрасное время, время голода, холода и великих порывов и подвигов нового класса, строящего новую жизнь, и переделало шкидовцев.

Выросли шкидовцы и все они на активной работе для Республики Советов.

Белых и Пантелеев—сотрудники газет. Пыльников кончает Педтехникум. Кубышка, Мамочка, Гордушка и Адмирал — комсомольцы - активисты, работают в типографии. Цыган и Бык—агрономы...

Сильная и правдивая книга!

Жаль лишь, что авторы смогли красочно описать «грехи» шкидовцев и смяли конец—последние страницы. Как грешили шкидовцы—показали авторы книги. А как стали тружениками и участниками общей работы—лишь рассказали.

Кто исправил «шкидовцев»? Жизнь. Новая общественность.

Если бы более спокойное было время, не 1919—22 г.г. и лучшие были воспитатели — легче пришли бы к труду воспитанники школы.

Но и сейчас, читая книгу, понимаешь, как тесно увязана жизнь—наша новая общественность—со школой. От «подпольного» кружка «юнкомов» пришли шкидовцы к комсомолу, к организации молодежи, помогающей строить социализм, новый порядок жизни.

Книгу с захватывающим интересом прочтет пионер. Она станет «любимой» книгой.

О „ЛЕТОПИСИ“

В № 4 «ПИОНЕРА» был помещен рассказ Белых и Пантелеева «Летопись». В «Летописи» был изображен один эпизод из действительной жизни школы для беспризорных ребят им. Достоевского в Ленинграде. Редакция просила ребят прислать свое мнение о «Летописи». Откликнулось около 40 ребят.

Почти всем ребятам рассказ нравится.

Летопись на костре

В «Летописи» хорошо показаны все характерные черты ребят, живущих в детском доме. Мне он понравился. Когда шкидцы решили сжечь летопись, я рад был этому, потому что мне жалко было ребят, которых записывали в нее. **Когда я прочитал рассказ до конца, мне стало жалко сожженной летописи** так же, как и шкидцы пожалели о ней, узнав, какую пользу принесла она им.

Н. Епишин

Москва

Я где-то читал, что Белых и Пантелеев сами бывшие беспризорные, поэтому этот рассказ и читается так легко. Особенно мне нравится тип Янкеля, которого так изменила школа-коммуна. **Ждем еще таких рассказов.**

И. Мышалов

Балашов

Интересно, что пишут ребята из детдомов.

Мы, пионеры Калиновской, колонии, Ворон. губ., Новохоперского уезда, прочитав «Летопись», нашли, что рассказ вполне правильно изображает взаимоотношения ребят с воспитателями и вообще жизнь детского дома. Вполне возможно, что ребята подожгли школу, чтобы избавиться от летописи, да и вообще ребята в таких учреждениях в первые годы своего пребывания ведут себя по-хулигански, затем постепенно улучшаются.

У нас в колонии сейчас почти такая же обстановка: ребята собраны с базара, привыкли хулиганить, грубят воспитателям, но мы уверены, что **все наши ребята и мы с ними исправимся в будущем.**

Группа пионеров

Пляска диких

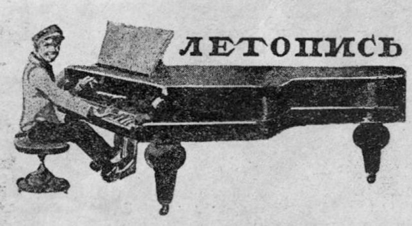
Я думаю, что в рассказе «Летопись» неправильно отражена жизнь детдома. Во-первых, здесь берется дом, где ребята живут с какими-нибудь недостатками: воришки, хулиганы и т. п., они изображены такими послушными, что чуть ли не с первого слова—«собрание» все направляются на собрание. Этого вы не встретите даже в нормальном доме. Нужно самое малое сказать 10 раз, чтобы ребята собрались. Во-вторых, неужели уж ребята так боятся записи, как это представляют нам авторы, что даже вырывают листы и сжигают их? Да этого не может быть. Я беру пример из жизни нашего дома.

— Я тебя «запишу»,—говорит воспитатель.

— Ну, и «пиши»,—отвечают ребята и нисколько не боятся. Ну, предположим, что ребята боялись записи и сожгли ее. Да где же в это время была самоорганизация детского дома? Про нее авторы даже не упомянули, как будто детдом живет без всякой организации. Мне кажется, авторы нам описали не детдом, **а дореволюционное учреждение, в роде института.**

Жаринова

Оренбург Детдом

Бессовестный у рояля

Прочитал я рассказ «Летопись». Ничего, понравился. Есть в нем маленькие ошибочки, например: как только услыхали про летопись шкидцы, так сразу сделались тихими, послушными и с ужасом проходили около канцелярии. Этого не может быть. Не так-то скоро теперешних ребят запугаешь, а еще таких, как шкидцы, которым нагрубить учителю было нипочем.

Дальше: «пламя уж пробралось в канцелярию и после этого дом еще долго тушили, а потом летопись, закоптевшую, показали шкидцам». Этого тоже не может быть. Она бы сгорела.

Когда Японец украл летопись, Крокодил, увидав, что ее нет, побледнел, и после похищения ее все халдеи три дня ходили с опущенными головами, не зная, что предпринять. Неужели пропажа летописи так взволновала халдеев, что те **растерянные три дня ходили, как солдаты без оружия.** Но все эти ошибки—не такие уж важные. **А вообще рассказ «Летопись» хорош.** Очень понравилось мне сокращенное название завшколой—Викниксор. Написан рассказ живым, бодрым языком. Слово как-то само цепляется за слово и, читая «Летопись», нельзя оторваться, пока не кончишь.

П. Жуковский

Митрополь

И. Мирский (ст. Ганджа), **А. Алексеев** (ст. Милютинская, Донск. обл.), **В. Давыденко** (ст. Борковичи Полоцк. окр.), **И. Спивак** (Харьков), **С. Белоусов**, (Кирсанов), **Б. Введенский** (Москва), **А. Саморуков** (г. Пенза) предлагают завести летопись в каждой школе. но заносить в эту летопись не только плохие, но и хорошие поступки учеников — и не только учеников, но и целых групп — классов и комиссий.

Халдей

КОГО ВОСПИТАЛА ПИОНЕРОРГАНИЗАЦИЯ

Л. Евнина, 190 отр. Кр. Пресни. Наборщица тип. им. Борщевского и вожатая отряда

Годиевский, 17 отр. Сокрайона. Работает в слесарно-механическом цехе завода „Коса"

Лебедева и Персикова, 6-ой отр. Замрайона. Работницы шорно-седельной фабрики

Александрова, 24 отр. Кр. Пресни. Укладчица фабр. „Ява"

Оля Крылова, 41 отр. Кр. Пресни. Работает на заводе „Электролампа" и вожатая звена

Легкова, 51 отр. Кр. Пресни. Работает в лаборатории завода „Лакокраска"

Пионеры!
плечи шире,
шире
плечи
и шаги,
нынче знают,
в целом мире,
где друзья
и кто враги.

ТЕПЕРЬ Я ВОЖАТАЯ

Вступила я, помню, в провинциальный пионерский отряд маленькой, глупой и очень робкой девочкой. Галстук и значок на ранее поступивших ребятах казались мне какими-то знаками отличия, ниспосланными свыше, салют приводил меня в трепет, строевые занятия были полны ежеминутных ужасов:

А вдруг не туда повернулась...
А вдруг не так обернулась?..

Сборы представлялись мне как место, где самые умелые (а к ним я относила весь совет отряда и уж, конечно, вожатого и всех комсомольцев) говорят, а мы, малые, слушаем.

Потом сначала непонятный и далекий, но такой интересный для нас мир веселых ребят с барабанами и знаменами стал понемногу своим, близким и необходимым. Когда же рассерженная моим постоянным отсутствием тетка, у которой я жила, потребовала, чтобы я бросила отряд, то она получила довольно решительный отказ.

Попав в Москву, я пережила большой перелом, вызванный целым рядом разочарований. Я впервые увидела, что в отрядах у нас часто бывает не все хорошо, что бывают у нас и плохие ребята и плохие вожатые. Сначала это меня немного огорошило, но очень не надолго. Я еще не имела больших знаний в работе, но отряд приучил меня разбираться в волнующих меня вопросах, и очень скоро мое открытие заставило меня с большим жаром схватиться за пионерскую работу, чтобы уничтожить те недостатки, которые я видела.

Немного позже я стала присматриваться к комсомольской работе, разговаривать с секретарем ячейки, с прикрепленными комсомольцами и потом вступила в комсомол.

Когда я была уже пионеркой-комсомолкой, сестра взяла меня в деревню, где мне пришлось очень много растолковывать деревенским ребятам из того, чему я научилась сама в отряде.

Для того, чтобы что-нибудь давать, надо много знать, и я стала много читать, научилась передавать то, что знаю.

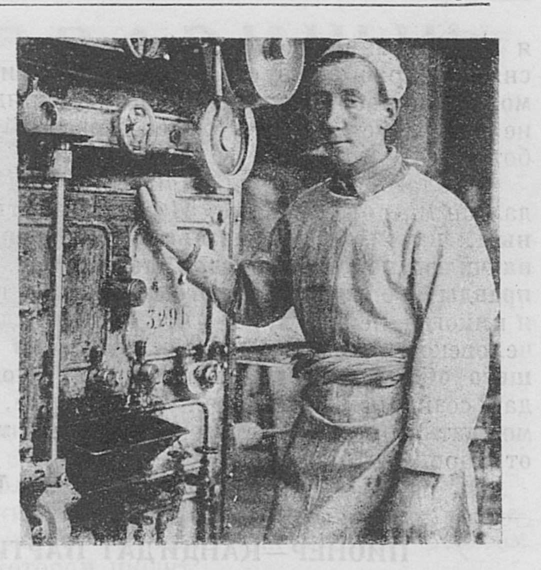
Теперь я ученица-наборщица в фабзавуче и вожатый пионерского отряда. Работа не всегда идет хорошо, очень многого я не знаю и не умею, но я всегда помню, что то малое, что я имею дала мне пионерская организация.

Л. Евнина

Москва

Клавдия Соколова, 17 Сокольнический отряд. Работает в слесарной дробо-литейного завода

Борисов, 15 отряд Замрайона. Рабочий ирисного отд. фабр. „Кр. Октябрь"

ОТ БЕСПРИЗОРНОГО ДО КИНО-МЕХАНИКА

До поступления в отряд меня знали и в школе и на улице, как хулигана, как беспризорного, и я таким был. Торговал газетами, курил и хулиганил: если в школе возникала драка, то ее зачинщиком был я, на улице среди своих товарищей я тоже не был последним. О пионерах я знал очень мало, как и большинство моих товарищей. Я презирал их, при встрече всегда приставал к ним, но в душе я им завидовал, видя их на демонстрациях, как они идут стройными рядами с красными галстуками под мерную дробь барабана. Мне невольно хотелось быть среди них. И вот однажды мое желание исполнилось. Мой дядя, видя, что улица портит меня, записал в отряд.

В отряде мне понравилось, я со вниманием слушал все, что говорили на сборах, стал ходить с красным галстуком и совсем порвал связь с улицей. **Лучшего моего товарища я перетянул в отряд, и он тоже стал пионером.**

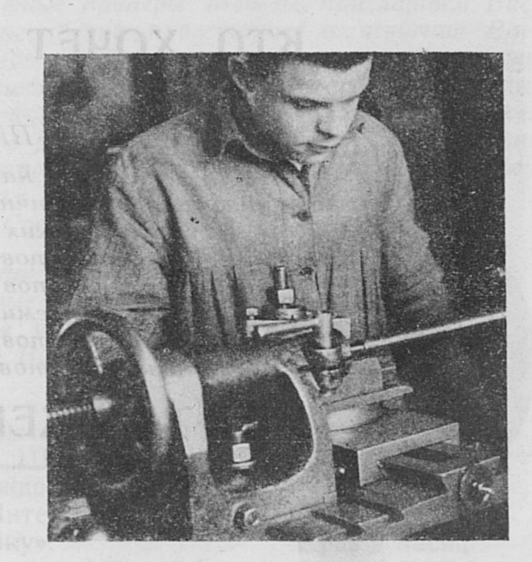
Но однажды был случай, который чуть не заставил меня уйти из отряда. Дело было так: меня и моего товарища исключили из отряда на две недели за недисциплинированность. Мой товарищ ушел из отряда и вернулся к улице, а я вернулся в отряд и решил написать об этом в стенгазету. Это подействовало. Больше ни к кому таких наказаний не применяли.

В школе я тоже переменился,—стал хорошо учиться и работать. Спустя немного времени я был избран председателем учкома и работал хорошо.

Теперь исполнилось три года с тех пор, как я стал пионером. Сейчас я комсомолец, работаю на производстве, участвую там в союзной работе, выбран делегатом в группком. Недавно

Цуцына, 114 отр. Кр. Пресни. Вафельщица фабр. „Большевик"

Яковлев, 6 отр. Кр. Пресни. Рабочий первого гос. тормозного завода

я подал заявление в ячейку о том, чтобы меня сняли с работы в отряде и оставили на комсомольской работе, так как работа в отряде меня уже не интересует. Я хочу более серьезной, новой работы.

Я благодарю отряд за все, что он мне дал, а дал он мне очень много. **Я стал развитым и активным, научился разбираться во многих вопросах, научился исправлять свои недостатки, добиваться правды и еще очень многому.** А самое главное, что я никогда не забуду, то, что он меня сделал новым человеком, **взял с улицы и сделал из меня хорошего общественного работника.** Я ухожу из отряда с сознанием, что я взял у отряда все, что он мне мог дать, и со своей стороны дал все, что требуется от хорошего пионера.

Толя Иозеф

ПИОНЕР—КАНДИДАТ ПАРТИИ

Это было в феврале 1922 г. Пять лет тому назад, на нашей улице организовался первый пионерский отряд, и я в него вступил с самого начала.

Этот отряд многое дал мне. Он вырвал меня из жизни улицы и сделал из хулиганского мальчишки—сначала активного пионера, а теперь и кандидата партии.

Отряд сумел все плохие мои качества исправить и сделать меня участником общественной работы.

С самого начала работы отряда я был выбран вожатым звена.

На I городской Московской конференции пионеров в начале 1923 г. я делал доклад о работе нашего отряда.

Сравнивая работу пионеров теперь и тогда, я нахожу, что раньше было кое-что у пионеров, чему следует поучиться теперешним ребятам.

Первое—преданность ребят организации. Средств у отряда никаких не было, никто отряду не помогал, о пионерах тогда не знал почти никто. Ребята весь материал для работы приносили сами из домов и ни от кого не ждали помощи—они полагались на свои силы. И работа шла очень хорошо.

Второе—это аккуратность ребят. На сборы отряда и звеньев приходили всегда все ребята. Очень редко бывало так, что кто-нибудь из них пропускал. Сборы начинались аккуратно, и все пионеры порученную им работу всегда выполняли к сроку.

Третье—это активность ребят. Ведь нам работалось гораздо труднее, чем теперешним пионерам. Приходилось самим отыскивать, что надо делать, как работать. И несмотря на это—ребята прямо горы сворачивали. Помню, что однажды всех охватило желание делать модели. Так, ребята в один месяц наделали столько их, что теперь отряд в год столько не сделает, и модели были не простые, а сложные и хорошо сделанные.

Затем, когда организовывались новые отряды у нас в Сокольниках, то мы им очень многим помогали в работе и поддерживали с ними постоянную связь. И не только посещали отряды своего района, но и других районов.

А теперь эти качества не всегда встретишь у ребят-пионеров.

В 1923 г. я был послан делегатом от пионеров в Германию на всегерманскую пионерскую конференцию. Видел там много интересного, о чем рассказывал на сборах отрядов.

Потом был вожатым отряда и учился в профшколе.

В 1924 г. пошел работать на производство в Маслоцентр слесарем по 6-му разряду и организовал там отряд. Сейчас я слесарь 8-го разряда и в этом году вступил в кандидаты партии.

Сравнивая теперь себя и других пионеров со своими прежними товарищами по улице, не-пионерами, я ясно вижу, как пионер-организация изменила мою жизнь и какую здоровую зарядку она дала мне для жизни.

В моей памяти осталось также много памятных интересных моментов из веселой пионерской жизни.

П. Лушин

I отр. ЮП Сокол. р.

МЫ ЖДЕМ ВАС, ТОВАРИЩИ!

Интернациональная копейка...

Копейка—дело маленькое. Но ведь из маленьких еле заметных ручейков, сливающихся вместе, образуется громадная, мощная река. Если каждый пионер даст 1 копейку, то из отдельных копеек всех пионеров составится большая сумма. Почему же это мы заговорили о копейках? А вот почему.

Скоро, скоро к вокзалам Москвы, Ленинграда и Свердловска соберутся тысячи пионеров и ребят встречать редких и от этого более дорогих гостей.

А гости выйдут из вагонов с широко раскрытыми глазами и красными галстуками на шее.

Наконец-то, они в свободной стране! С непривычки покажется им странным—такая масса пионеров и ни одного полицейского! И никто не собирается разгонять, арестовывать, избивать!..

Да, это поистине чудесная страна! И ребята будут жадно впивать глазами, ушами, сердцем, записными книжками — все и всех.

Ведь, они — делегаты! Ведь, они должны будут рассказать обо всем, что видели у нас, тысячам жадно ждущих их возвращения ребят своих стран. Ведь, они должны научить их лучше работать, должны ознакомить с опытом работы пионеров СССР.

Три делегации приедут к нам в этом году: к ленинградским ребятам—из Германии, к московским—из Англии и к уральским—из Франции.

Делегации эти будут состоять не только из пионеров, но и из делегатов других детских пролетарских организаций — спортивных, антирелигиозных и т. п.

Делегации будут не только в Москве, Ленинграде и Свердловске. Нет, они побывают и в других городах, и в деревнях, и селах.

Первой делегацией приедут немецкие ребята—к VII Международной детнеделе.

В середине лета приедут ребята Англии и Франции.

Сейчас во всех этих странах кипит подготовка к выборам делегатов. Собираются собрания ребят, выпускаются листовки, ведется агитация в школах, собираются средства.

... или две интернациональные полукопейки

Но не должны спать и пионеры СССР.

Московские пионеры на II Губернской конференции пионеров послали приглашение ребятам Англии, в котором пишут:

«Рабоче-крестьянские дети, как и все трудящиеся СССР, связаны уже с английскими рабочими и их детьми самым тесным образом. В дни героической борьбы ваших отцов и братьев-углекопов мы, юные пионеры и все дети, постарались, чем могли, помочь Вам. Мы организовали денежные сборы, мы изучали Вашу жизнь и борьбу мы писали Вам письма с описанием нашего опыта работы.

Этим мы только отплатили английским рабочим за их помощь в 1920 году, когда капиталисты Англии вели войну вместе с русскими белогвардейцами и польскими панами против Советской страны.

Та же копейка с другой стороны

Сейчас однако, мы хотим еще крепче связаться с Вами. Этого требуют новые попытки капиталистов затеять войну, этого требуют преследования профсоюзов и революционных организаций в Англии. Мы хотим подробно знать, как Вы живете и боретесь, мы хотим говорить с Вами, показать Вам нашу жизнь и работу, как она есть.

Мы, юные пионеры Москвы, приглашаем Вас, детей английских пролетариев и особенно Вас, детей героических горняков, к нам в Советский Союз, чтобы провести с нами летние каникулы.

Обсудите в ‹Союзе Юных Товарищей›, во всех школах, в различных пролетарских организациях этот вопрос, изберите делегатов и направляйте их к нам, в свободную страну Советов.

Сознательные, революционные рабочие Англии, мы уверены, поддержат Вас».

Теперь нам надо собрать средства для этих делегаций. ЦБ ЮП предлагает каждому пионеру внести «Интернациональную копейку».

Вот что от вас требуется...

...раз в месяц

ДЕТИ НА УЛИЦЕ

Моссельпромщица

ПЯТАЧОК НОМЕР

Скоро мне будет четырнадцать лет. Торговать же «Вечерней Москвой» я начал с полгода тому назад.

Отца у меня нет, убит на фронте в 1915 году, а мать — прачка, зарабатывает мало.

Раньше я торговал папиросами, теперь это невыгодное дело, да и милиционеры часто ловили.

Товарищ по двору устроил меня на продажу газет.

Каждый день к трем часам я прихожу к конторе. Там уж много ребят ждут газету.

Вот из-за угла показался автомобиль с пачками газет. Все, как бешеные, кидаются к нему. Крик, шум.

Быстро по счету получаю газету и бегу, чтобы обогнать других.

— «Вечерняя Москва»!

— Последний номер «Вечерней Москвы»!

По дороге все покупают газету, еле успеваешь деньги собирать. Иной долго роется в кошельке или дает крупные деньги.

— Эх, думаешь, лучше бы не покупал—сколько времени потерял; другие обгонят.

Вскакиваешь на трамвай и от остановки до остановки приезжаешь на место.

Я торгую на Лубянской площади—это близко, а другим приходится далеко ездить.

Прихожу домой как когда: иногда, если газета интересная, быстро продаю все газеты и тогда иду брать еще. Но большей частью приходится приходить часов в 10—11.

Зарабатываю я от полтинника до полутора рублей в день.

Москва

Деткор **Шурка**

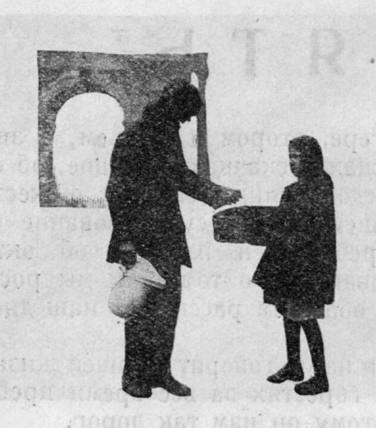
ВДВОЕМ ВЕСЕЛЕЙ

Нашей семье живется очень плохо. Отец работать не может—все время болеет. Пособия же его на всю семью нехватает. Брат учится и тоже получает маленькую стипендию.

Вот и приходится мне, чтобы поддержать семью, торговать яблоками.

Утром я учусь в школе в 1-й группе II ступени. Из школы приду домой, пообедаю и беру мешок с яблоками. По дороге я захожу за подругой, которая

Свердловская, б. Театральная, площадь в Москве. Спереди на фотографии—памятник первопечатнику Федорову

тоже торгует яблоками, и мы идем на Страстную площадь. Вдвоем торговать веселее.

Возвращаемся мы домой часов в 8 — 9, когда большую часть яблок продадим.

Выручкой я поддерживаю родителей и облегчаю им жизнь.

Москва

Деткор **Маня**

ВМЕСТЕ С СЕСТРОЙ

Я продаю газеты. Сначала это было интересно,—ходишь по разным улицам, видишь много людей, а теперь уже надоело, да и устаешь очень бегать почти целый день по улицам.

Продаем газеты мы вдвоем—я и сестра 11 лет. Я беру в конторе газеты и половину их отдаю сестре. К шести часам мы встречаемся в условленном месте и подсчитываем — кто больше продал газет. У кого меньше осталось газет—тот берет у того, у кого больше газет осталось. Обычно я больше газет продаю—сестре за мной не угнаться.

Часов в 8—9 мы приходим домой. Всю выручку мы отдаем матери.

Москва

Деткор **Н. Замарский**

КОМУ ПОЧИСТИТЬ?

Семья у нас большая—отец, мать, три брата, две сестры и еще бабушка, очень старая.

Приехали мы в Москву из Тифлиса три года тому назад. Сначала было очень плохо—негде было жить. А потом нам приятели отца помогли.

Теперь отец работает чистильщиком сапог и состоит в союзе ассирийцев.

Зарабатывает он мало, а семья большая—девять ртов.

Я ему тоже помогаю—хожу с ящиком и чищу ботинки.

Выхожу из дома часов в 10, прихожу домой обедать, а потом опять иду на работу до вечера.

Учиться мне хочется, но нельзя—кто же будет работать?

А два моих брата и сестра учатся.

Москва

Деткор **К. Грегорьянц**

НА ХОРОШЕМ МЕСТЕ

Лубянская площадь—очень хорошее место для торговли,—всегда на ней много народа.

Торгую я у лотка Моссельпрома попеременно с своей сестрой, которая старше меня. Утром—я, а днем—она. Она получает товар: шоколад, конфекты и т. п. через свою артель. Целый же день торговать ей тяжело и поэтому я

Чистильщик

помогаю ей. Торгуем мы по очереди—полдня я и полдня сестра. Торговать на Лубянской пл. интересно. На ней большое движение, много автомобилей, трамваев, то в одном месте что-нибудь случится, то в другом. А раньше мы стояли в переулке — там очень скучно стоять.

Зимой торговать хуже было—ноги замерзнут, не выдержишь, попросишь папиросницу - соседку постеречь у лотка, а сама бежишь в какое-нибудь учреждение ноги отогревать. Теперь же солнышко стало пригревать—совсем хорошо.

Да и люди весной больше покупают.

Но все-таки стоять долго устаешь. Когда подходит время нам с сестрой меняться, все на часы поглядываешь — скоро ли сестра придет. Наконец, она пришла. Сдаю ей деньги, лоток и мчусь домой обедать, а потом—в школу.

Деткор **Маруся В.**

ТОРГУЮ ТРЕМЯ ГАЗЕТАМИ

Торгую я не только «Вечерней Москвой», но и другими газетами.

Раньше всех выходит «Рабочая Газета» и «Рабочая Москва».

Рано утром, еще все спят, на улице почти никого нет, а я иду за газетами. Сначала беру «Рабочую Газету», а потом по дороге—«Рабочую Москву». Часам к 11-ти все распродаю и иду домой отдыхать. А в 3 часа выходит «Вечерняя Москва» и надо за ней бежать. Хорошо еще, что я близко от конторы живу.

Приходишь домой вечером усталый, как лошадь. Сначала, когда я только начинал газетами торговать, ноги с непривычки очень болели. Шутка ли—почти целый день на ногах! А теперь ничего—привык.

В школе я не учусь—некогда.

Деткор **Колька**

БЫВАЮТ И УБЫТКИ

Торговля пирожками — вещь хлопотливая.

Дело наше такое: не продал сегодня—значит это в убыток идет. Возьмем, к примеру, 1-е мая. Этот день был хорошим, магазины и лавки закрыты, столовые тоже, на демонстрации все проголодались—ну, я и заработал хорошо, два раза выходил с полным лотком.

А вот недели две тому назад был неудачный день — пустяки продал Главное, дождь виноват,— кто в дождь закусывать будет? Ну, и осталось много товара. Правда, не все пропадает: сбываем часть, а часть в дело пускаем, а все-ж убыток есть.

Виктор Д.

Газетчик

ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ

Пятьдесят пять!

Так называется наш отрядный дневник, над которым мы работаем целую зиму. Мы—«старики», т.-е. те, кто основательно проварились в пионерском котле и уже работают в комсомоле. Мы собираемся вместе, вспоминаем «доброе, старое» время и пишем. Постепенно, страница за страницей вырисовывается картина трехлетнего существования нашего отряда. Скоро дневник будет закончен и займет почетное место в пионерском клубе. И этот день будет записан в истории нашего отряда, как один из праздничных, незабываемых дней.

Многое может рассказать наш дневник. И о хорошем и о плохом. О крупном и мелочах. О пионерских праздниках и буднях. В нем, как в зеркале, отразилось все то, что переживала пионерская организация за эти три года.

Наш дневник расскажет о первых днях организации отряда, о наших первых встречах в стенах клуба, о первом лагере, втором и третьем, о зимних вылазках на лыжах и скачках в ночное, об отмороженных ушах и опаленных спинах, о жестокой борьбе за помещение и за существование отряда, о хороших ребятах и плохих, об октябрятах и неорганизованных, о том, как мы росли в комсомол, словом, обо всем расскажет наш дневник.

Дневник составлен нами, говорит о нашей жизни, о наших радостях и горестях за все время пребывания в отряде и потому он нам так дорог.

К пятилетию организации мы вспоминаем здесь, в небольшом отрывке из дневника, о первом лагере. Как и большинство всех лагерей того времени, он был палаточным, и кончился довольно плачевно. Старые, дырявые палатки не выдержали напора осени и нам пришлось сдаться перед непогодой. Но как первый лагерь, он оставил, конечно, много впечатлений и переживаний.

НА СЕНЕЖЕ

(Лето 1924 года).

Едем... Сегодня Миша сказал, что через два дня мы выезжаем в лагерь.

На площадке тихо. Все собрались вокруг вожатого и жадно слушают.

— Ребята! Лагерь—лучший путь к спайке нашего отряда. В лагере должна быть дисциплина, в ней залог успеха нашей работы. В лагерь нужно взять следующие вещи...

Два дня лихорадочной подготовки к лагерю. Одеяла, подушки, мыло, кружки—все засовывается в пионерский мешок.

Старшие ребята совсем выбились из сил, бегая за Володей по магазинам. Нужно было купить котлы, ведра, умывальники... В одном магазине не находили—бежали в другой. Покупки с грохотом несли по улицам, сшибая прохожих.

Наконец, все готово. Сначала выезжают два старших звена. Нужно оборудовать лагерь, устроиться. Маленькие приедут на готовое.

Выезжаем 15 августа, немного поздно. Встретили несколько возвращающихся из лагерей отрядов, несколько удивленных лиц публики, но ерунда, раньше нельзя было...

Поезд мчит нас к лагерю. Великолепный солнечный день.

Три версты от станции, и вот мы на небольшой круглой полянке в густом бору, на берегу озера Сенеж, здесь будет наш лагерь. Полчаса отдыха и за работу, — к вечеру нужно поставить палатки.

Немного завидно пионерам...

ТРУДОВЫЕ ДНИ И ЛАГЕРНЫЕ СОБЛАЗНЫ

Первые дни промелькнули незаметно. Было много работы. Ставили мачту, рыли уборные, кухню, совершенствовали палатки. И после торжественного открытия, на которое собралось все местное взрослое и пионерское население, потекли дни будничной работы.

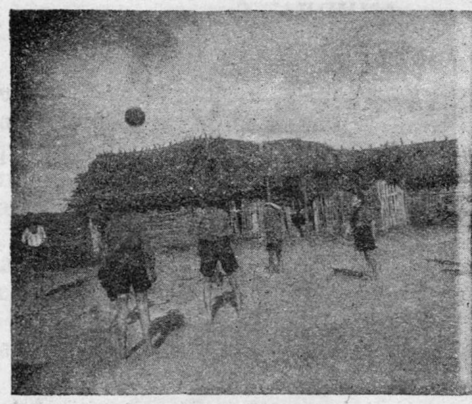
Сегодня настроение хорошее. С утра взялись за работу. Одно звено пошло в деревню на полевые работы—на молотьбу, другое—на обследование леса. Третье пустили кругом озера и, при всей приятности этой прогулки, впоследствии оказалось, что им досталось больше всех. Вокруг озера-то было 30 верст.

Редколлегию засадили за газету, дежурных — в кухню. Каким-то образом оставшиеся ребята сейчас же пожалели об этом, так как безжалостный завхоз угнал их в лес на поиски хвороста.

День был распределен, все нагружены работой. Но... представьте себе, хорошая полянка и с нее в одну сторону великолепный вид на озеро, на ко-

...что октябрята лучше их пляшут

От итальянской лапты и баскет-бола ребят может оторвать только горн к обеду или к чаю

тором качается полупогрузившаяся в воду лодка; в камышах плавают утки... С другой стороны, с бугорка, на котором работает редколлегия, между деревьями проскальзывает дом отдыха, сад, качели и огромные гигантские шаги...

Дежурные засунули все бывшие под рукой дрова в печку, вылили бутылку масла вместо каши в компот и... устремились к плавающей лодке с твердым намерением ее починить и покататься, пока будет вариться обед. Опрокинув клей на траву, редактор стенгаза пошел испробовать быстроту гигантских шагов.

Но зоркий глаз вожатого все видит. Вожатый знает, что ребята первый раз в лагере. Он быстро разбивает мечты дежурных, говоря, что лодка никуда не годится и каша подгорела, а редактора просто гонит на свое место, приговаривая, что стенгаз это—зеркало отряда и как бы он не увидел там свое отражение.

Работа наладилась, и все шло по определенному распорядку: утром зарядовая гимнастика и купанье, затем поднятие флага, чай и проветривание палаток. Потом по звеньям работа в деревне, обследование окружающей местности и т. п. После обеда и мертвого часа—игры, прыжки; вечером—беседа у костра и ночью—дежурства.

БРОДИЛО ПО ЛАГЕРЮ ВЕСЕЛЬЕ

Деньки первое время шли веселые, горячие. И среди работы бывали минуты досуга и безделья.

А вокруг лагеря толпились леса, полянки, озеро, чистый воздух и солнце. Неподалеку качели, гигантские шаги, баскетбольная площадка. Спустишься с горки от дома отдыха вниз—лодки и так - называемая купальня. У берега грязновато, но выбора нет.

Бродило по лагерю веселье. Ребята узнавали друг друга. С улыбкой отмечали хорошее, с гримаской плохое. И хлопая по плечу хорошее, по загривку плохое, ходили по лагерю частушки.

Как дежурные на кухне
От воды совсем опухли.

Чудеса бывают в мире—
Наш компот варился в жире.

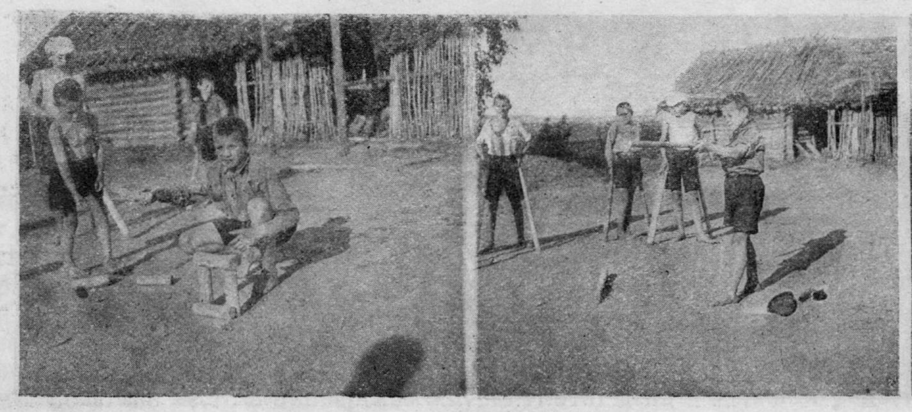
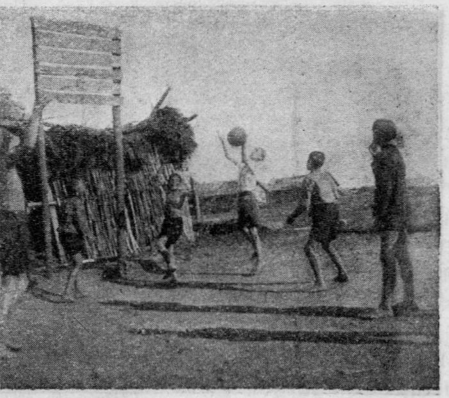
В доме отдыха у ели
Превосходные качели.

Что за чудная находка—
В доме отдыха есть лодка.

Наш Седов в нее залез,
Знать, в него вселился бес.
Плыть хотел на середину,
А попал он прямо в тину.

После трудовой работы приятная усталость в мускулах и неприятная пустота в желудке

Несколько излюбленных лагерных занятий

У меня есть тетя Лиза,
А Долман—большой подлиза.
У меня есть тетя Шура,
А Касатка просто дура.

И после каждых двух строчек вспоминали «Журавля». Вряд ли кому не известен этот припев и мотив этой песни.

Иногда сбивались на другой размер.

Отряд большой,
Пионеров много.
Вожатый идет,
Дай дорогу.
Долой, долой рубашки!
Долой, долой штаны!
Купайтесь, пионеры,
Республики сыны!

НА ДЕЖУРСТВЕ

Запомнились ночные дежурства. Стемнело. Стрелки лагерных часов показывают десять, и беседа у костра подходит к концу. Двое ребят осторожно встают, забираются в землянку к вожатому, одевают большие кожаные куртки, берут свисток и лампу-фонарь «Молнию», бросают взгляд на лежащий на полке наган... и снова садятся тихонько к костру. Все готово. Как только ребята улягутся спать, можно сразу приступить к своим обязанностям. Это дежурные ребята, выделенные караулить лагерь ночью.

Сигнал горна, резкий свисток, и мгновенно на линейке замирает прямая, как стрела, шеренга ребят. Флаг медленно сползает с мачты. Ярко горящий костер бросает причудливые тени. Молчит лес, молчит полянка. Синее небо, усыпанное крупными бриллиантами звезд, молчит тоже.

День кончен. Спать.

По мнению большинства ребят, первые два часа дежурства самые страшные. Двенадцать часов, час... Тут и ведьмы на помеле летают и самого чорта можно свободно встретить. Но пионеры не унывают. Знают, что чертей нет. Вчера слушали антирелигиозную беседу. Ну, а если кто-нибудь, случайно всмотревшись в деревья и увидев горящую точку, и подумает про себя: почему бы, в самом деле, не прогуляться ведьме, какое нам до этого дело; подумает про себя, только про себя... Мало ли что ночью в голову лезет.

Да, первые два часа самые страшные и самые хлопотливые. Попробуй-ка уложить ребят. Приходится чутко вслушиваться. Чуть где шопот переходит в разговор, немедленно окрик: «Первая палатка, тише!» «Вторая—тише!» «Левина, как не стыдно!»

Усталость берет свое и через полчаса всюду мертвая тишина.

Дежурные ходят кругом и осматривают лагерь. Страшно, особенно, когда идешь на кухню. Она в стороне от лагеря. Сделав обход, присаживаются к костру и ведут беседу. Часто вздрагивают и пугливо озираются.

Два часа проходят, будят вторую смену. На это уходит очень много времени. Попробуй-ка разыщи в палатке среди завернутых в одеяло мумий очередного дежурного. Да и не привыкли еще ребята вставать среди ночи.

Утренняя смена самая хорошая, красивая. В 4—5 часов рассветает. Над Сенежем медленно поднимается кверху туман. Солнце яркое, красивое, предвещающее хороший день, рассеивает туман, как дым. Поют птицы, летают над озером дикие утки.

В палатках слышатся голоса проснувшихся ребят. В семь часов дежурные дают горн, и дежурство кончено.

ПИОНЕРЫ 2-ГО ОТРЯДА У НАС В ГОСТЯХ

Это было вечером. Мы играли в баскетбол. Среди деревьев заметили идущих к нам гуськом пионеров. Оказалось звено 2-го Красно-Пресненского отряда, приехавшее в Подсолнечное, забрело к нам в гости. Решили устроить совместную беседу у костра. Вожатый Илюша рассказал нам об их первом лагере, ребята тоже вспомнили различные интересные моменты из их первого лагеря.

Спели несколько песен и разошлись спать. Гостей устроили хорошо, разместив в разных палатках. Долго еще ребята шептались, рассказывая о жизни в лагере.

На другой день показали им весь наш лагерь, все оборудование. Ребята нас похвалили. Вожатый сказал, что мы очень хорошо устроились.

Мы, конечно, были очень довольны. Было приятно услышать хорошее мнение о нашем первом лагере от ребят-пионеров, бывших уже в лагерях.

ЗЕМЛЯНКА

Ее сделало еще недавно, год или два назад, какое-то инструкторское звено какого-то отряда. Крепкая, сухая, достаточно вместительная, нам она очень пригодилась. Заняли ее вожатые, так как в палатке они не помещались и особенно Миша. Он ведь был такой длинный.

Хорошо было там в землянке. По вечерам топился камин, и раскаленные угли багряными пятнами освещали суровую обстановку землянки.

Когда шел дождь, мы собирались у камина и вели рассказы о том, о сем, о впечатлениях за день.

НАЧАЛОСЬ...

Все было бы и дальше хорошо, но мы забыли, что уже 25 августа и у нас старые, дырявые парусиновые палатки.

Скоро нам об этом пришлось вспомнить.

Проснувшись раз утром, мы почувствовали холод. Приподняв голову, чтобы натянуть на себя одеяло, и нечаянно коснувшись палатки, Маруська вдруг взвизгнула, подпрыгнула на своем месте, и в следующую минуту целый поток воды хлынул на головы остальных девчат.

Те проснулись, как по сигналу горна, и несколько минут в недоумении смотрели друг на друга, и вдруг, догадавшись, высунулись из палатки наружу... Да, так и есть. Предположения подтвердились. Солнца нет. Дождь лил, как из ведра...

Нехотя вылезли, построились. Дождь шел все сильнее; о работе нечего было и думать. После чая залезли в палатки.

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП ИЛИ КАК МЫ ЖДАЛИ СОЛНЦА

Напрасно мы ждали солнца. Дождь решил на долгое время стать его заместителем.

А палатки! Старые, дырявые палатки. Они протекали со всех сторон.

Дежурные на кухне выбивались из сил.

— Уж лил бы дождь в один котел, который для супа,—ворчит Ольга Михайловна, мешая вместо печки кочергой в супе,—а то ведь льет в оба котла, а потом разбери тут, который суп, а которая жареная картошка.

Дождь продолжал лить. Палатки вымокли окончательно. Но никому и в голову не приходит уезжать в Москву, ребята, точно на зиму, решили укрепиться в палатках.

Ищут выхода из положения и нашли...

Под проливным дождем, скинув с себя все лишнее, вожатые работали, как на пожаре. Рубили осины, копали ямы.

Ребят на время перевели в землянку, быстро разобрали все палатки и накрыли ими огромный остов, устроенный под прикрытием больших елей. Получилась огромная, высокая палатка.

— Масандра,—как мы ее называли.

Забрались все вместе в масандру,—тесновато, но зато сухо.

Посредине горит фонарь. Все ребята сидят под одеялом. Рассказываем коллективный рассказ:

—... Фашисты привезли Сарру к какому-то темному зданию, провели по коридору и втолкнули в подвал.—А в это время палец рассказчика многозначительно упирается в кого-либо из ребят и тот продолжает:—В Москве Маруська и Борька были совсем готовы к отлету на Марс и вдруг...

— Ай!—раздается неожиданно в углу палатки.

— Что такое? Славка, что ты орешь, что с тобой?

— Капнуло!...—трагически заявляет Славка,— капнуло прямо за шиворот!

Ночью закапало со всех сторон.

Последняя твердыня — «масандра» — промокала насквозь.

Солнца не было, и мы уехали.

Одно из лучших лагерных воспоминаний—в ночное с лошадьми

НА КАРАНДАШНОЙ ФАБРИКЕ

Очерк НИК. БОБРОВА

— Напишите, как делается карандаш!—сказал мне редактор журнала «Пионер».—Поезжайте на новую карандашную фабрику, имени тов. Красина.

— Где фабрика?

— Ну, уж это, голубчик, найдите сами...

По сведениям помятой и истерзанной телефонной книжки, которую я добросовестно просмотрел, карандашных фабрик в Москве нет вообще. В толстенном справочнике весь СССР,—тоже ничего путного о карандашах. Карандашей, по крайней мере советских, очевидно, в природе нет...

Но этого не может быть. Ведь я своими глазами читал в «Правде» об открытии новой фабрики. Следовательно, в Москве должны быть по меньшей мере две карандашные фабрики.

Я задумываюсь, однако, не надолго. Выхожу из под'езда редакции и мрачно бреду на площадь Свердлова—место, где сходятся все пути Москвы. Там в справочном киоске любезная сотрудница быстро сообщает мне адрес карандашной фабрики.

— Садитесь на трамвай маршрута «В» и поезжайте к Саратовскому вокзалу.

Слушаю и, наивный человек, доверчиво еду... Но приезжаю не туда. Это, оказывается, старая карандашная фабрика и не имени тов. Красина, а им. Карла Либкнехта,—Федот, да не тот.

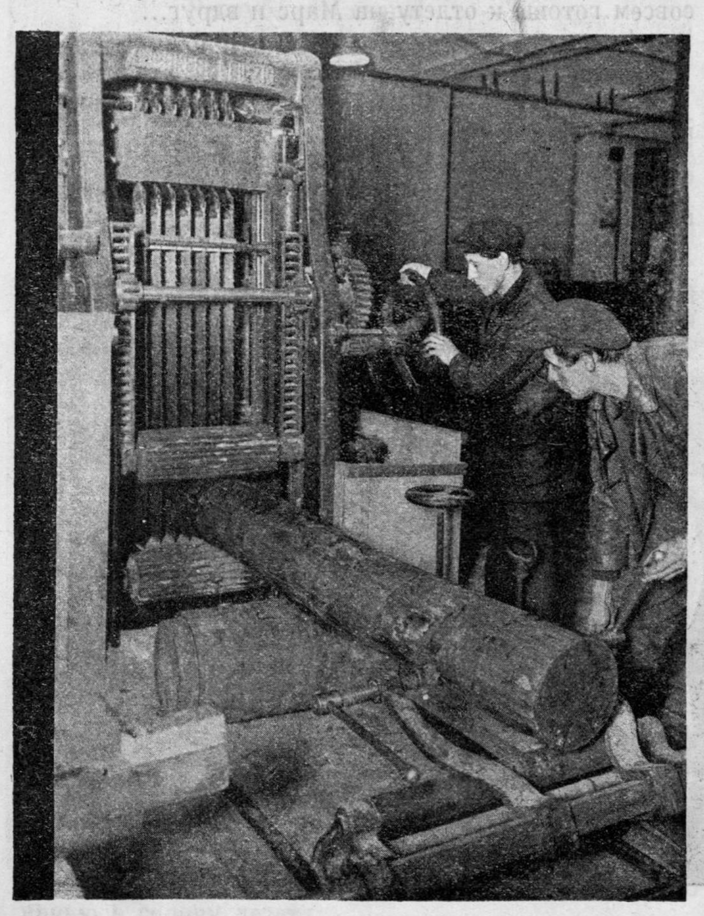
Едва удерживаюсь от искушения осмотреть и описать именно эту фабрику, но заведующий технической частью говорит мне, что машины их фабрики устарели, а новая фабрика оборудована только что полученными из-за границы.

Через полтора часа, после длительных розысков, нахожу, наконец, новую фабрику в одном из глухих переулков Замоскворечья.

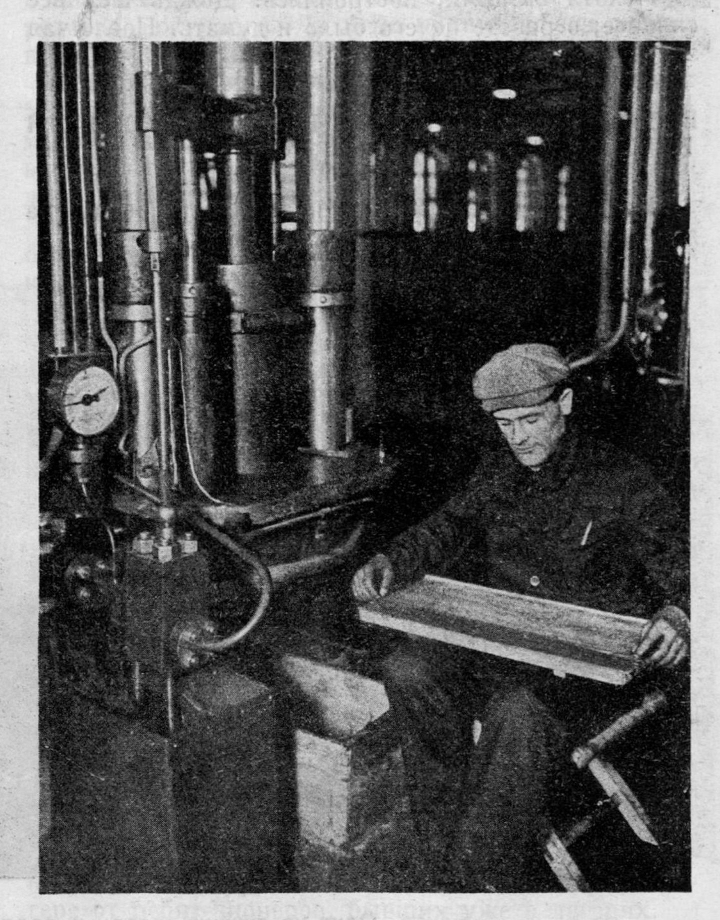
Снег на фабричном дворе полузасыпан мелкой древесной стружкой и окрашен в лиловатый цвет—след лилового графитного порошка, идущего для изготовления так называемых копировальных карандашей. В светлом зале-конторе управляющий делами дает разрешение на осмотр. Он сообщает мне вкратце историю завода.

— Мысль организации нашей фабрики принадлежала покойному Л. Б. Красину. Раньше наши советские карандаши были очень плохи. Мы выписывали из-за границы огромные партии карандашей и платили за них сотни тысяч рублей золотом. В октябре 1926 года наша первая советская карандашная фабрика начала свою работу. Стоила она миллион семьсот тысяч рублей золотом. Это, конечно, много денег, но мы их вернем через несколько лет.

— Наша фабрика, — продолжает он, — делится на три основных отдела: графитовый, деревообде-

Будущий карандаш

Укладка графитной нити.
Из этой машины выходит тонкая и мягкая графитная нить

(КАК ДЕЛАЕТСЯ КАРАНДАШ)

Фотографии А. ШАИХЕТА

лочный и отделочный. В первом этаже помещается графитное отделение. В нем из графитного порошка изготовляется центральная часть будущего карандаша, его сердце—графит черный и лиловый. Я отправляюсь осматривать фабрику.

Мы спускаемся вниз, минуем ряд светлых коридоров, напоминающих скорее жилой дом, чем фабрику, и входим в мрачное графитовое отделение.

— Откуда получается графит?—спрашиваю я лилового от синей графитной пыли мастера.

— Из Германии,—отвечает он мне.

— Но, ведь, у нас есть свои залежи графита,— настаиваю я.

— Наш негоден для карандаша. Он идет только для других производств. Наше сырье получается в виде порошка,—показывает мне мастер серый графитный порошок, засыпаемый рабочими в паровую вальцовку, напоминающую огромный черный барабан.

— В этих вальцовках мы смешиваем графит с глиной и водой для того, чтобы превратить порошок в компактную жидкую массу. Потом эта масса прессуется и из нее удаляется вода.

Прессы, похожие на громадные микроскопы, тяжело вздыхая, отжимают воду.

— Затем, я миную несколько мелких операций,— поясняет он,—уже готовая масса пропускается под давлением до 200 атмосфер через «пресс-сито».

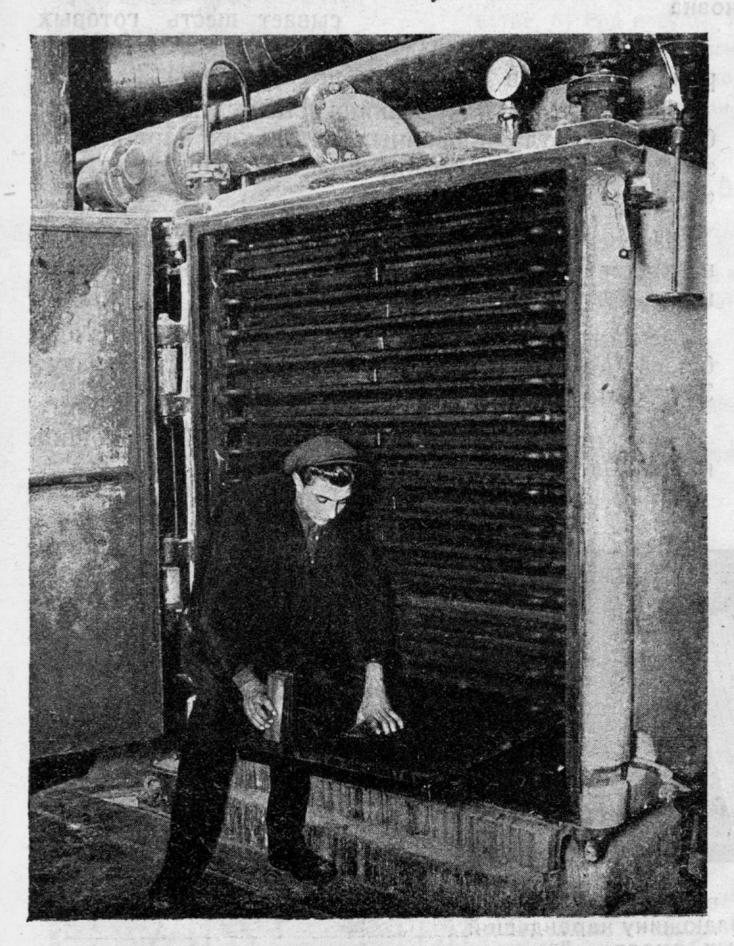
Пресс-сито, это огромное чвакающее и жующее металлическое животное. Глаза животного—два белых кружка; они показывают давление.

Внизу из-под основания пресса в узенькое отверстие непрерывной струей выползает графитная нить. Ее ловко подхватывают двое рабочих и растягивают в стройные ряды на лотки.

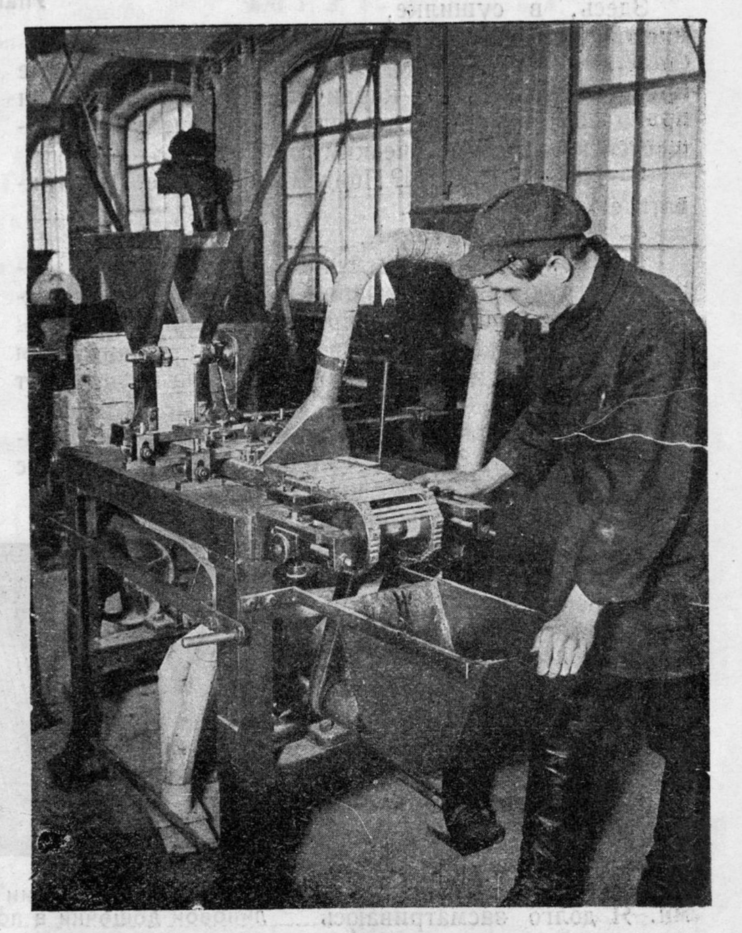
— Отсюда,—продолжает мастер,—уже нарезанная по длине карандаша графитная нить отправляется в печь для обжига, а потом варится в смеси воска, стеарина и сала. После этой операции графитные палочки уже готовы. Теперь пойдемте в копировальное отделение,—приглашает он.

Мы переходим во второе, похожее на предыдущее, отделение. Здесь изготовляются лиловые или «химические» карандаши. Процесс тот же самый, за исключением обжига. Лиловые карандаши сушатся в собственной сушилке.

— Вот наша сушилка.—Он открывает тяжелую дверь и показывает на ряды полок, где уложены сотни гроссов графита. Воздух здесь раскален. Дышать буквально нечем. Мне кажется, что я был когда-то здесь... Но этого не может быть... А воспо-

В этой сушилке сушатся деревянные планки для будущих карандашей

Окраска карандашей. Готовые карандаши попадают в резервуар с краской

минание рисует мне помещение для крокодилов в берлинском Zoo (зоологическом саду).

Я вижу себя стоящим на мостике около точно скопированного жилища африканских дикарей. Внизу, полузарывшись в иле, лежат крокодилы. Воздух насыщен испарениями, сух и тропически зноен.

На мне новое теплое пальто... В глазах у меня лиловые круги... сердце бьется. Однако, приходится терпеть, так как спутники мои уходить еще не собираются... Пользуясь минутным отсутствием сторожа, они бросают орехами в крокодильи морды.

— Вам не холодно?—участливо спрашивает меня один из них...

Упаковка

Здесь, в сушилке, мне кажется, еще жарче. Снова, как в берлинском Zoo, я вижу не то лиловые круги, не то лиловые карандаши, а близко от меня проползает огромный крокодил. Он почему-то обращается ко мне человеческим голосом:

— Не довольно ли? Пойдемте поскорее. Осматривать еще очень много.

— Уф-ф-ф!.. Жарко!..

Визги и стоны бесчисленных пил оглушают. Говорить трудно. Заведующий деревообделочным отделом, об'ясняя мне ряд процессов, кричит на ухо:

— Вот бревна... липовые... Они расшиваются на кряжи и видите, как ленточная пила превращает их в доски...

Здесь автоматы распиливают доски на планки в длину карандаша. Толщина планки — радиус одного карандаша, а ширина — шесть карандашей, сложенных рядом...

После этого белое липовое дерево морится, окрашивается в коричневый цвет, прессуется и шлифуется. Потом фрезерный станок вытачивает на этих дощечках углубление для шести кусков графита.

Я вижу, как коричневатые планки дерева глотает фрезер и выбрасывает их с выточенными углублениями. Я долго засматриваюсь на этот станок, но мой спутник—сотрудница конторы—кричит мне на ухо:

— Пожалуйста, поскорее. Мы осматриваем уже полтора часа.

На третьем этаже сильный запах спиртового лака и красок. Здесь помещается отделочное отделение. Производится «сборка» и окраска карандаша.

Здесь все делает машина. Машина вкладывает в углубление дощечки шесть кусков графита, закрывает ее другой дощечкой, склеивает их вместе и прессует. Таким образом, из каждых двух дощечек и 6 кусков графита получается шесть карандашей, соединенных пока еще в одном куске дерева. Их раз'единяет специальная машина. Она выстругивает с обеих сторон дощечки шесть полукруглых надрезов и выбрасывает шесть готовых карандашей. Затем карандаши идут в окраску и штемпелевку.

Штемпелевальная машина ставит на красивых блестящих отлакированных новеньких карандашах золотые штемпеля: «Канцелярский», «Предприятие», «Кооператор».

После окраски и штемпелевки карандаши идут в упаковку, потом в продажу и в конце концов попадают к вам.

Я пишу сейчас новеньким «Кооператором» и любуюсь, как мягко и четко он ложится на бумагу. За все шесть страниц—ни одной поломки.

Это новый советский карандаш. И хороший карандаш.

Не хуже заграничных.

При выходе с фабрики я вижу, как на автомобиль грузят карандаши для отсылки в провинцию. Заведующий отправкой на прощанье говорит мне:

— В сутки, за одну смену, новая фабрика выпускает 1800 гросс[1] советских карандашей. Хорошо?

— Очень хорошо.

На этой фотографии видно превращение липовой дощечки в полдюжину карандашей пока еще соединенных вместе. Дощечка морится, в ней вытачиваются углубления для графита, в них вкладывается графит и т. д.

[1] 25.900 штук в день.

УГАДАЙ!

№ 18. ЗАГАДКА

(Б. Шульгинова)

Игрушкой издавна слыву
В руках детей.
Высоко я взлетаю,
А если сменишь
Буквы две во мне,
Я в физкультуре обитаю.

№ 19 Шарада

(Ив. Гончаров, г. Дорогобуж)

Один из видов спорта.
В середину вставьте ноту—
Получите часть порта.
Работы здесь до чорта.

№ 20 ЛОГОГРИФ

(Ас. Литвак, г. Одесса)

Меня школьники все знают
И... признаться—уважают,
Но прибавьте «к», и я
Превращаюсь в часть ружья;
Иль поставьте «с», где «к»,
Превращусь я вмиг в зверька,
Вместо «к» вы «т» возьмите,
Средь народов уж ищите.
Чтоб загадку отгадать,
Нужно думать—не зевать.

№ 21 Шарада.

(Его же).

Предлогом первый слог зовется,
Второй — зеленый лес,
А целое — найдется
Там, где постройка есть.

№ 22. Шарада

(Михно, Я., г. Москва)

Мое первое порою
В землю молотом вбивал;
Вторым же в разговоре
Человека называл.
Третье есть союз; четвертый—
Имя каждого из нас.
В целом—страны, где насильем
Властвует имущий класс.

№ 23. ЗАДАЧА БУКВ

(Н. Крупп, Симферополь)

Задумано слово из 10 букв, входящее в название всех крупных частей нашего союза. К каждой букве этого слова прибавить по 2 буквы, входящих в состав задуманного слова, так, чтобы получились следующие слова: 1) Хлебный злак, 2) Деревья, 3) Болезнь, 4) Двигательная сила, 5) Междометие, 6) Род посуды, 7) То, чем богат СССР, 8) Имущественная претензия, 9) Геометрическое тело, 10) Земельная мера. Найти задуманные слова.

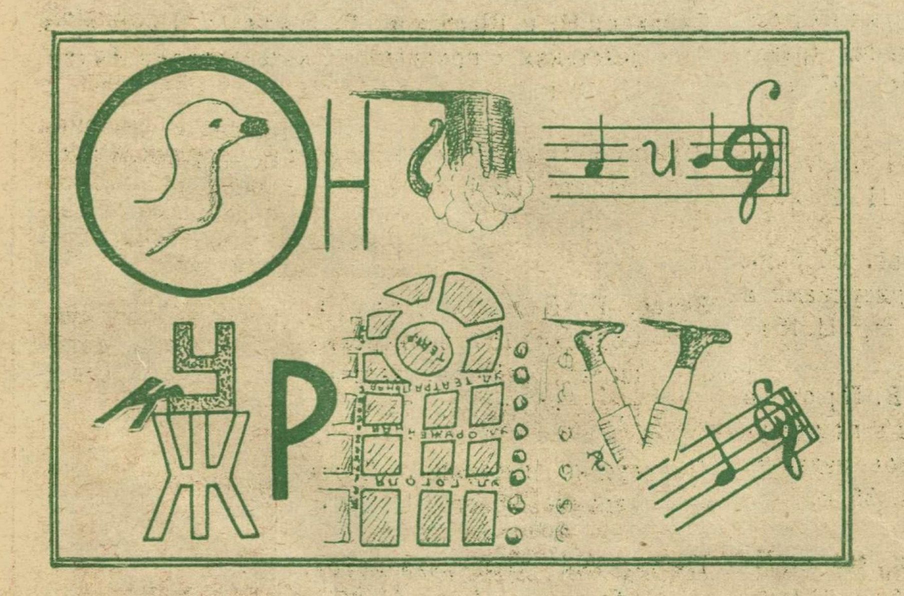
№ 24. ЛОГОГРИФ

(М. Ефимова)

С „Т" я есть в Сибири,
С „С" в животном мире.

№ 25. РЕБУС

(Н. Чикваркина, с. Стасово, М.-Каз. жел. дор.)

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 1

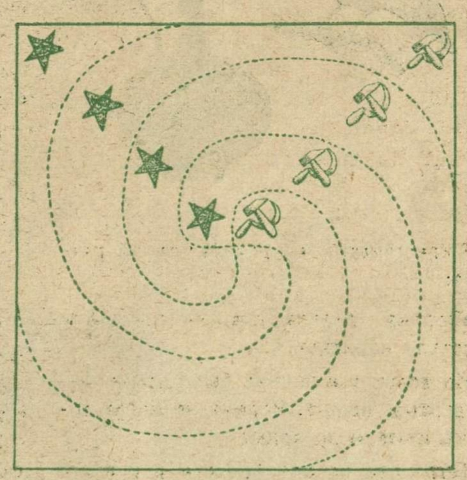
№ 1 Все пионеры должны читать свой журнал».

№ 2 жукнэп
усыелн
ромоко
носсон
айдоре
лукбор

№ 3 Гори - яки.

№ 4

Пунктиром показано, как пионеры разрезали холст.

ПРАВИЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПРИСЛАЛИ:

№№ 1, 3, 4 — Халезов А.

№№ 1 и 3 — Карпинский (ст. Елизаветино).

№ 3—Чубарев В. (ст. Кущевка), Кудрявцев В. (г. Бугульма), Райзман С. (Киев), Хмелевский М. Юдин М. (Ростов н/Д.), тов. юнкорского кружка Коновинской школы № 1.

№ 4 Мельников А. (г. Удинск), Ругковский Б.

ОТВЕТЫ

Карпинскому (ст. Елизаветино). Чем списывать задачи из журнала «Пионер» за 1925 г., ты бы лучше сам их придумал.

Антоненко Б., Бескровному (ст. Линейная), Васильеву Б., (Смоленск), Воеводину П. (Ульяновск), Волкову Н. (Псков), Горохову А., Демидову М., Емельянову И., Жеребову (Уфа), Житмеве М. (с. Девица), Зайдер, Коваль Г. (Ташкент), Кривову А., (г. Минусинск), Кривоногову И. (г. Данилов), Крупп Н. (Симферополь), Курочкину Ж. (ст. Серпухово), Мамаеву (г. Халтурин), Милосердову М., Миндлину М. (г. Баку), Полянскому А. (ст. Похвистнево), Рудновскому Б., Рассадину, Тараненко А., Толстому И. (Орел), Саморукову А. (Пенза), Фрумкину (г. Витебск), Швечихину М. (с. Федоровка):

Ребята! Присланные вами задачи не пошли. Одни из них плохо составлены, другие стары по теме и лозунгу, третьи уже были напечатаны в журналах.

Составляйте новые задачи и присылайте их нам.

ЗАДАЧИ

ВОРОНА И КУВШИН

В хрестоматии я прочитал такой рассказ:

«Ворона увидела кувшин с водой и захотела напиться.

Но воды в кувшине было немного — четверть кувшина. Ворона не могла достать клювом до воды.

Тогда она начала бросать в кувшин камушки.

Вода в кувшине поднялась до краев и ворона напилась».

Какая ошибка в этом рассказе?

(Рисунок: кувшин узкий и высокий).

ЦЕПЬ

Кузнец пришел в лавку покупать цепь.

Ему показали одну цепь.

— Нет, это короткая, — сказал кузнец. — Мне надо в сто раз длиннее.

Тогда ему принесли другую. В ней было звеньев в 100 раз больше, чем в первой.

Кузнец пересчитал звенья и увез цепь с собой.

— А ведь мы-то обманули кузнеца. Догадайся, как?

РАССКАЗ МАЛЯРА

Шел я мимо лавки, ведерко с краской нес.

Позвали меня из лавки: зайди, дело есть.

Зашел, а хозяин мне два больших куска листового железа показывает: вот, мол, покрасить надо.

Посмотрел я в ведерко, а там краски только на донышке. Я и говорю:

— Краски мало. Один лист еще покрасил бы, а на два не хватит.

Хозяин и на то согласен.

Стал я тогда смотреть, на какой лист меньше краски пойдет. А как его узнаешь? Кабы листы четырехугольные были, тогда еще один на другой можно было бы наложить. А то они так хитро вырезаны, что никак не понять, какой больше, какой меньше.

А толщины они одинаковой.

Ну, я подумал и догадался, как узнать, на который лист меньше краски надо.

